

Границы человеческого

Автор:

Анна Шульгина

Границы человеческого

Анна Шульгина

Порча, сглаз, венец безбрачия? Это будни. А вот стажёр, за царапину на котором можно лишиться не только премии, но и ценных частей тела, это праздник. Пррразднуйте, не обляпайтесь, госпожа Журавлёва! Ещё бы эта бестолочь не лезла, куда не просят... Но такие мелочи не смутят ведьму, поставленную на страже закона. Ведьма этого не просила. Закон, впрочем, тоже. Только кто ж их спрашивал...

Анна Шульгина

Границы человеческого

– Алька, там тебя спрашивают.

Я отмахнулась и углубилась в содержание документа. Нет, это не детектив, это мистическая драма.

Две недели назад, а именно – третьего мая, в семье Лемешкиных случилось страшное – наведение порчи на мужа. Причем, законной женой. Сама жена утверждала, что никакой черной магии не применяла, а, наоборот, все делалось исключительно во благо, чтобы привить супругу отвращение к алкоголю. Процесс пошел несколько незапланированно, в результате глава семейства ушел в пятидневный запой. Выведен же был из него все той же женой,

выследившей благоверного в гараже и избившей нетрезвого мужа тормозными колодками от автомобиля "Жигули".

Судя по тому, что с этого дня мужчина больше не употреблял, сотрясение мозга в сочетании с переломом четырех ребер оказало намного более качественный результат. Вот вам и бытовые чудеса без магии.

– Альбина Константиновна!

Я все-таки подняла глаза на Вовку, чтобы гавкнуть в ответ, поскольку полное своё имя-отчество не любила за труднопроизносимость. Но в последний момент сдержалась, заметив рядом с коллегой незнакомого парня.

– Что? – Не спорю, получилось невежливо, но у меня весь стол завален бумажками вроде той, которую читала только что, поэтому настроение было так себе. И ведь по каждой из них нужно провести хотя бы простейшую проверку, а потом и отписаться о результате... Стало ещё тоскливее.

– Знакомьтесь, это Юрий, наш новый стажер, – Вовик сделал движение в сторону парня. – А это ваш куратор – Альбина.

– Доброе утро, – молодой человек удостоил меня едва заметным кивком и продолжил пристально рассматривать. Пришлось приподнять брови и выдать оскал, слегка напоминающий улыбку, чтобы молодёжь усовестилась и опустила глаза.

– И вам доброго здоровьица, – пользуясь принадлежностью к слабому полу, подниматься, чтобы пожать руку, я не стала и быстренько пресекла попытку Вовки слинять в коридор. – Владимир Сергеевич, пойдем пошепчемся.

Судя по кислой роже, шептаться коллега не особо хотел, но знал, что от черта молитвой, а от меня – ничем, поэтому понуро поплелся следом.

– Что за история с практикой?

– Сам ни сном, ни духом, позвонили с проходной, сказали, что нам прислали пополнение. Документы в порядке, придраться не к чему.

Если даже зануда Вовик не нашел, к чему придраться, то мне в этом плане и вовсе ничего не светит.

– А почему мне ничего не сказали? И вообще, с чего ты решил, что на практику его прислали ко мне?

Робкие ростки надежды, что будущее светило правоохранителей забрело ко мне по ошибке, оказались задушены в зародыше:

– А к кому ещё?

Да уж, сколько у меня было таких стажеров за одиннадцать лет работы, и не перечесать. Практически все они потом ушли – кто на повышение, кто просто сбегал, не прельстившись романтикой жизни оперативника, а я всё оставалась на месте.

– Так что бери в оборот, учи и растолковывай, все равно бумажки уже подписаны, теперь не отобьешься.

Я не нашлась, что на это ответить, только тяжело вздохнула и перевела взгляд на украшающую дверь табличку.

"Отдел "ППП"".

Была ещё одна расшифровка нашей аббревиатуры, которую я всё никак не могу запомнить, но причастные к нашему ведомству знали её истинное значение – «Паранормальный порядок». Ага, вот так пафосно. И немного непонятно, по логике лучше уж «ПНПП». Но начальству виднее, как нас обозвать, так и живем. А разбираться приходится со всем делами, где есть вероятность магического или же просто слегка неестественного вмешательства. Хотя для тех же ведьм или магов такие происшествия в рамках нормы, но следует помнить о хрупкой психике обывателей, уверенной в том, что все чародейское есть выдумка и сказки.

– Ладно, спасибо, теперь буду думать, что с этим стажером делать, – напоследок я кивнула Вовке и сунулась обратно в кабинет. – Эй, бедный Ёрик!

Парень повернулся и обжег гневным взглядом:

– Это вы мне?

– Тебе-тебе, кому же ещё... Открой верхний ящик стола, там стоит шкалик. Нашел?

– Да.

– Молодец, а теперь бери его, кусок ваты и дуй ко мне.

Сидящий в углу за своим столом Славка, который до этого сосредоточенно принюхивался к новенькому, хмыкнул и демонстративно зарылся в бумажки. Останемся наедине, обязательно мозги промою, осточертели его шутки юмора.

– Прошу, – Юрий протянул требуемое. – Где будет моё рабочее место?

Надо же, борзый какой, только порог переступил, а уже стул себе требует.

– Пока что на коврик у двери, а там посмотрим.

Парень, а по совместительству оборотень, налился краской так, что даже уши заалели, а взгляд и вовсе стал совсем уж ненавидящим. Ну, правильно, начальство для того и создано, чтобы служить объектом ненависти.

– Ладно, хватит злиться, куда-нибудь пристрою.

Менее возмущенно смотреть он не стал, но прекратил так громко пыхтеть. Хотя и не снизошел до помощи, поэтому пририсованную маркером букву "З" перед тремя "П" я оттирала сама.

Глава 1

"Я сама была такою триста лет тому назад"

песенка черепахи Тортиллы

– Что ты вообще знаешь о нашей работе?

Я решила уподобиться Бабе-Яге и сначала добра молодца напоить-накормить, а в отсутствие баньки устроить легкий допрос, пока даже без пристрастия. Запасная кружка в столе для таких случаев стояла, но разговор все равно особо душевным не был, наверное, Юрий до сих пор не простил мне того выпада про коврик. Ну, ничего не могу с собой поделать, характер под каждого приходящего мальчика не подстроишь.

– Отдел открыли шестнадцать лет назад, когда стало понятно, что для магических существ нужны свои полицейские, – он пробубнил это, как заученный, и попытался откусить от овсяного печенья. Сколько оно валялось в столе, сказать не могу, но приносила его, вроде бы, после Нового Года. Вот только вопрос – этого или прошлого? – Бригады укомплектовывают так, чтобы в каждую входил маг. Или ведьма.

Тут он искоса посмотрел на меня, явно пытаюсь понять, к какой когорте принадлежу я сама. И аккуратно пристроил печеньюшку обратно, признав её неподдающейся даже зубам оборотня.

– Все верно, только тут ещё такой момент – мы занимаемся не только теми делами, в которых наверняка замешаны сверхъестественные силы, но и теми, где фигуранты – люди. Но они каким-то образом применяли магию, – я вспомнила дело Лемешкиных и хмыкнула. – Сам знаешь, сколько сейчас всяких ворожей, гадалок, бабушек-ведуний и прочей дуриловки. И даже если это чистое шарлатанство, когда человек искренне верит, что по его просьбе кого-то прокляли или навели порчу, магия может сработать. Так что не жди ничего особо захватывающего, по-настоящему интересных дел мало, в основном рутина и сплошные бумажки.

По глазам парня я видела, что он просто жаждет закрыть кого-нибудь своей широкой грудью. И желательно, чтобы закрываемой была молодая прекрасная дама. То есть не я. Да и у самого героя грудь шириной особо не поражала, но должны же быть у мальчика мечты.

– А на происшествия мы выезжать будем?

– Куда ж мы денемся...

Его стремление вырваться на волю я не только понимала, но и в чем-то разделяла, весь день просидеть, обложившись бумажками, удовольствие небольшое. Только и выезды бывают тоже разными, иногда после них и бумажки кажутся благом.

– Ладно, пока осмотришь, что-нибудь придумаю с рабочим местом.

Не то, чтобы у нас тут много объектов для любования, но пышущий нетерпением мальчик меня немного нервировал, так что пусть пока подостает других.

Юрий спорить не стал, хотя и особо довольным тоже не выглядел. Видимо, планировал ещё до обеда совершить пару героических поступков, чтобы вечером с полным правом отметить первый рабочий день. Ну, не судьба, значит, потому что меня нынче обуял приступ обострения природной лени, поэтому будем безвылазно сидеть в отделении. Да и спина после вчерашней прополки грядок ещё ныла. Именно в такие дни начинаю сомневаться, такое ли это благо – иметь частный дом в городской черте?

Пока я размышляла о перспективах себя, как дачной хозяйшки, Юрий прошелся по общему кабинету, сопровождаемый ленивыми взглядами сотрудников. Больше всех усердствовал все тот же Славик, природа которого просто требовала выяснить, кто тут главный. Но совесть не позволяла связываться с малолеткой. Эх, эти волки такие волки... Во всяком случае, насчет Славика уверена, а вот с новеньким этот вопрос ещё не ясен до конца. Грации кошачьих в нем нет, вряд ли рысь. И на нашего начальника тоже не похож, так что, скорее всего, у нас появился новый волчонок.

Пользуясь тем, что Юрий на меня не смотрел, быстренько окинула его взглядом. Одет неброско, но и не в китайский ширпотреб. Идеально чистые туфли. Тут я глянула на свои потрёпанные, но такие удобные кроссовки и почти завистливо вздохнула. Нет, завидовала я не наличию у него хорошей обуви, а умению быть аккуратным. Меня вот в таком виде куда выпусти, через полчаса пропылюсь, а если одежда будет светлой, то и пятен наставлю. Свинья это не только год рождения, но и сама моя суть.

Ладно, хватит на ребенка глазеть, а то решит ещё, что у меня на его счет развратные мысли.

Прозрачная папка-файл, которую стажер положил на угол стола, занимала ничуть не меньше, поэтому я полезла в неё. Все равно альтернатива только тормозные колодки или ещё что-то настолько же захватывающее.

Так, Воропаев Юрий Алексеевич, двадцати двух годков от роду... бла-бла-бла... окончил школу в таком-то году... снова бла-бла-бла... Интересно, на кой черт было перечислять все достижения в спорте? Ладно бы это был бокс или стрельба, но настольный теннис ему в нашей работе вряд ли пригодится.

Закончив изучать документы, я резюмировала, что паренек в будущем году заканчивает юрфак, вот и прислали его перенимать драгоценный опыт. Ничего необычного, но у меня упорно чесался кончик носа, а это уже не шутки.

– Журавлева, тебя Потапыч вызывает, – Наташка, моя соседка справа, забежала в кабинет, явив взору отекий красный нос и немного заплывшие глаза. Да и сип, которому она безуспешно пыталась придать нормальное звучание, намекал на телесную хворь.

– Привет, сейчас приду. Ты чего такая красивая? – Срываться с места я не торопилась, надеясь, что болей коллега собирается дома, не делаясь бациллами с коллективом. А значит, есть вероятность усадить Юру на её место, пока недужная будет лечить сопли.

– Мороженого переела. А может, протянуло. Не знаю, короче, – она неинтеллигентно шмыгнула носом.

– Больничный дали?

– Ага, – она порылась у себя в ящике стола и закинула что-то в сумку. – Всё равно мне через пять дней в отпуск, так что прощайте.

– Можно я пока на твоё место добра молодца посажу, а? Сама знаешь, больше некуда, мне бы устроить так, чтобы на глазах был. Заблудится ещё, с меня потом и спросят...

Это были не напрасные тревоги – поотрывать руки архитектору мечтали все новички. В хитросплетении наших коридоров, проходных комнат, комнатушек, кладовок и закутков кто-то постоянно терялся, поэтому в обязанности последней пташки, покидавшей рабочее гнездо, входил обход территории. Мало ли кто там из посетителей прикорнул за углом, отчаявшись найти выход.

– Ладно, только, чур, в моих документах не лазить и стул не ломать. Прокляну.

– "Кто спал на моей кровати?", – прогундела я, пытаюсь передразнить Наташку. – Я прослежу, не бойсь. Иди уже, пока никого не заразила.

Спровадив болезную, я уже хотела лететь на зов начальника, когда все тот же Юра, получив в распоряжение рабочее место, встал у меня на пути.

– Что мне делать?

– Ты смотри, на ходу подметки рвет, – Славик хмыкнул, ехидно и с некоторым превосходством глянув из своего угла.

Комментарий снова вогнал новичка в смущение, хотя уже и не такое заметное. Но мне все равно стало жаль инициативного мальчика. Проклятый материнский инстинкт.

– Ты сам ещё пару лет назад таким же был, так что хватить ржать, – этим я нашего офисного волка если и не укорила, то хотя бы завуалировано попросила не лезть не в свое дело. А то ж я и припомнить некоторые подробности его собственной стажировки могу, дело дурное не хитрое. – Если у тебя такой творческий зуд, то держи.

На столешницу легли флешка и несколько пухлых папок.

– Это что? – Юрий нарочно медленно и почти небрежно коснулся одной из папок пальцем, безуспешно путаясь замаскировать рвущийся наружу энтузиазм, чем окончательно меня умилил.

– На прошлой неделе была попытка ограбить ювелирный салон в торговом центре "Азимут". Попытка провалилась, взять ничего не успели, зато грабителей

повязали. Оба они – люди, наши их проверили вдоль и поперек.

– Тогда почему дело у нас? – В глазах начало проступать разочарование. Да, это тебе не перестрелка в центре города и даже не массовая драка на шабаше.

– Потому что охране и двум продавцам отвели глаза. Вернее, попытались – у одной из девочек оказался иммунитет к этому делу, она и подняла шум. Тебе предстоит прочитать все свидетельские показания, просмотреть запись и понять, кто из присутствующих – ведьма. Или ведьмак.

– А почему не маг?

– Тааак... Тебя кто-нибудь учил основам магии? – Я уже заранее затосковала, хотя дело не просто обычное, а закономерное – оборотни магией не владели. Вообще. Наверное, природа так решила уравновесить, чтобы никому слишком жирно не показалось.

– Да, отец.

Ага, тогда все ясно.

– Ладно, сегодня времени нет, завтра проведу краткий ликбез. – Всё равно лучше потратить несколько часов, растолковывая элементарное, чем потом каждый день разгребать его косяки. – Поверь, мы ищем не мага. Сейчас у меня нет времени, приступай, вернусь – отчитаешься о проделанной работе.

И ушла, пока до Воропаева не дошло, что в свидетелях почти шестьдесят человек, поэтому ковыряться ему и сравнивать показания до утра. Ну, так никто за язык не тянул, сам напросился.

Берлога нашего Потапыча не поражала воображение, но каждый поход в неё запомнился надолго. Например, потому что сюда по хорошему поводу не звали. Начальство предпочитало раздавать пряники прилюдно, а люли наедине, чем радовало подчиненных. Зато каждое приглашение поговорить с глазу на глаз грозило неприятностями.

Не скажу, что боялась, все-таки ничего особо преступного в последнее время не совершала, но определенная доза волнения присутствовала.

– Заходи, чего как бедная родственница, – Потапыч, наплевав на неподходящее для его внешности и должности занятие, поливал роскошный папоротник.

– Думаю, в чем начинать каяться.

Потапыч хмыкнул и кивнул на стул.

– Что нового в нашей богадельне?

– А то вы сами не знаете...

Вот в чем-чем, а в его осведомленности я никогда не сомневалась. Был бы невнимательным лопухом, давно бы с места полетел. Но ведь держится же до сих пор, значит, всё путем.

– Сегодня должен один мальчик прийти, – Потапыч спрятал ярко-зеленую лейку в стол и уселся напротив меня. – Не простой мальчик.

– Угу.

– Чего «угу»? Я ей про предстоящий геморрой, а она под филина косит.

– «Угу» в том смысле, что уже пришел. Юрий Воропаев? – Вот ведь зараза, а не шеф, сколько под его руководством работаю, а под пристальным взглядом так и тянет поерзать.

– Надо же...

Я не совсем поняла, чему он так удивляется.

– Так рвется произвести впечатление на куратора, дело привычное и нормальное.

Кто-то, коротко стукнув в дверь, сунулся в кабинет, но, заметив кислое выражение лица Потапыча, тут же сгинул обратно. Ну, правильно, я бы тоже предпочла удрать, но ведь не отпустит же. К тому стало интересно, что это за практиканта мне подсунули, раз даже наше обычно невозмутимое начальство в таком душевном раздрае.

– Аля, ты меня не разочаровывай, давай уже, включай мозги-то, хватит дурачиться. Фамилия знакомой не показалась?

А черт его знает, я каждый день столько паспортных данных вижу, что каждую запоминать никакой памяти не хватит. Но раз Потапыч на его ФИО возбудился, то тут что-то нечисто.

Так, значит, как его зовут, знаю, возраст, видовая принадлежность...

– Да не может такого быть! – Получившийся результат меня не порадовал. Правильно говорят, что все горе от ума. Или от его видимости.

– Можешь же, когда хочешь, – Потапыч хоть и улыбнулся, но печать заботы с лица так и не ушла. – Я уже хотел пригрозить премии лишить, если не догадаешься.

– А она в этом месяце будет?

– Баба и есть баба, как о деле, так еле шевелится, а как о деньгах, так сразу оживилась.

– Ну, знаете ли, практикант общественный, а премия моя личная.

– Тоже правильно. Чай будешь?

– Давайте.

Остается только надеяться, что печенье у начальства все-таки посвежее, чем у меня.

– А зачем его к нам прислали? – чай оказался крепкий и горячий, с терпковатой ноткой бергамота, поэтому я кайфовала, нюхая напиток и пытаюсь начать думать в правильном направлении.

– Алексей Егорыч мой давний знакомый, попросил присмотреть за парнишкой.

Очень хотелось предложить тогда самому за волчонком и побегать, но промолчала. Если Потапыч что-то решил, переубедить почти невозможно. Да и просто так он ничего не делает, так что пока лучше голос не подавать.

– И в чем подвох? – Я не сдержалась и потерла нос, а потом приглушенно чихнула, в последний момент успев прикрыться ладонью. Потапыч мгновенно насторожился и даже набычился, пристально на меня глядя. – Да ничего такого, простой чих. Может, Наташка вирусом поделилась...

– Ты мне это брось! Никаких больничных и отгулов. Тебе мальчонку доверили, нечего соплями прикрываться. Точно ничего не чувствуешь?

В ответ дернула плечом, предлагая переходить от прелюдии к самому действию.

– Если совсем кратко, твоя задача: не дать пацану влезть в какое-нибудь дерьмо. А ещё показать нашу работу со всех сторон. Особенно с отрицательных.

Я даже поперхнулась чаем. Это что сейчас было?

– Эээ?..

– Недогадливая ты сегодня, – Потапыч, а в миру Максим Сергеевич, укоризненно покачал головой, но смотрел по-доброму. – Не хочет папа, чтобы единственный ребенок увяз в нашем болоте. А романтизм так и прет, мальчонка упертый, на конфликт пошел. Так что ты должна расписать всё в самых черных красках.

Капец.

Нет, я, конечно, могу и такое, но... А, ладно, все случается в первый раз. Но пацана стало немного жаль. Кто знает, может, он Мегре от оборотней, а тут легким росчерком пера (или парой литров пива в баньке) его этого пытаются

лишить. Прямо родительский беспредел.

– Ты чего насупилась? – Зная меня не один год Потапыч сразу уловил ход мыслей. – Если решила открыть мальчонке глаза, то зря. В том смысле, что он и так всё знает, а ты нарвешься на конфликт. Никакого повышения.

– А оно мне когда-нибудь грозило? – Тема больной уже не была. Хотя ещё несколько лет назад я воспринимала это предельно остро. А потом смирилась, нашла в нынешнем положении вещей определенные плюсы и просто забила на всё, решив получать удовольствие от того, что имею. – Ладно, я поняла, нюансы уяснила, пойду инструктировать молодое поколение.

– Ты только это... Сильно не зверствуй. Нам его надо вернуть целым и невредимым. И в плане психического здоровья – тоже.

– Это я посмотрю на его поведение. Главное, чтобы он сам не дурил, а то унюхает ещё во мне свою единственную нареченную, куда мне потом его девать, усыновлять, что ли?

На лице Потапыча проступило ярко выраженное осуждение, поэтому выходила из кабинета под его бормотание:

– Поначитаются всякой дряни, а честному оборотню потом хоть сквозь землю проваливайся...

Глава 2

«У девчонок всё можно узнать по лицу – выдержки у них никакой»

Марк Твен «Том Сойер»

Распластанный на стене лист ватмана расцветал красными точками все гуще и гуще. Что Юрий делает, я примерно представляла, но стало интересно, как он

это обоснует.

– Что за полотно импрессиониста?

Стажер с заметным трудом сдержался, чтобы не передернуть плечами с просьбой не отвлекать идиотскими замечаниями, но до ответа снизошел:

– Это те, чьи показания я уже проверил.

– А синие?

– Свидетели, которые вызвали подозрения.

– Ммм...

Дальше продолжать он не стал, я тоже приставать не собиралась. Никому не нравится, когда во время работы кто-то стоит над душой, пусть ребёнок потренируется. Тем более что в разрез с распоряжением начальства это не шло – нет ничего нуднее и тоскливее, чем перебирать кипу бумаг.

Расположение столов позволяло мне, не напрягаясь, наблюдать за его мозговым штурмом, спасибо за это дорогому начальству. Хотя Потапыч рьяно отнекивался, но наш отдел очень напоминал забугорный полицейский участок, только с родным колоритом. Стекло, отделявшее общую комнату от кабинета начальника, было вечно захватано и покрыто отпечатками, линолеум вытерт чуть не до дыр, а в кофемашине заканчивались то стаканчики, то кофе, а иногда в недрах аппарата что-то рычало и тарахтело. Поэтому все сотрудники сходились во мнении, что лучше бы Потапыч не интерьер копировал, а в их зарплатные ведомости заглянул.

Пока практикант ломал мозги и тренировал память, я доделала кое-что по мелочи и, пользуясь сегодняшним затишьем, полезла на любимый сайт, вдруг там кто-то выложил новые схемы для вышивания. Да, грешна, но можно же и на работе расслабиться.

– Ой, смотри, застучает тебя начальство.

От неожиданности я втянула голову в плечи и почти сползла под стол. Славик, скотина бесшумная...

– На цепь бы тебя.

Напарник обижаться не стал и сунул мне в руки огрызок бумажки.

– Труба зовет, хватит отсиживаться.

Кто бы знал, насколько лень было подниматься, но дело прежде всего, поэтому нехотя встала, буквально спиной чувствуя, как напрягся Юрий. Но под руку пока не лез, молодец, хоть какая-то выдержка есть.

– Чего притих? Давай рысью за мной, если не хочешь остаться здесь, – дослушав Славика, я направилась к двери.

Догнал стажер мгновенно, словно рванул с низкого старта, молча маяча за правым плечом.

– А теперь слушай сюда – вперед не лезешь, с умными комментариями не пристаешь, делаешь, что скажу. Всё понятно?

– Да.

Вот и хорошо, потому что не хватает только постоянно дергаться, чтобы Юрий не потерялся и не успел куда-нибудь вляпаться.

И хотя он всячески старался не отсвечивать, но при виде моей «девятки» скривился так, словно куснул лимон.

– Не бойся, она на ходу и даже не разваливается во время движения.

Вряд ли объяснение его успокоило, но от комментариев удержался. И, кстати, совершенно зря он так корчил рожи в сторону моей ласточки. Да, на вид неказистая, пороги чуть ржавчиной побиты, да и смятый задний бампер эффектности не добавлял, но вот ходовая у неё в прекрасном состоянии. Сашка, мой последний бывший муж (тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!), пару месяцев

назад её до винтика перебрал, так что на ближайший год я совершенно спокойна.

– Куда мы направляемся?

Чувствовалось, что его расстраивает отсутствие мигалки на крыше. Да и сам факт поездки на моем ведре с гайками серьезно напрягал. Видимо, для героической натуры такой способ передвижения почти оскорбителен.

– Знаешь старое кладбище за частным сектором в Северном микрорайоне? Вот туда и едем.

Практикант напрягся, поди пойми, от чего именно – от места назначения или от того, что пришлось обгонять мусоровоз через две сплошные. Это при том, что чуть дальше обычно дежурили гайцы. Но сегодня звезды были на моей стороне, и на правонарушение никто внимания не обратил, благо, ребята уже поймали несколько жертв и теперь оформляли протоколы.

– Кто решает, что выезжать нужно работникам именно нашего отдела? – Юра прекратил глазеть по сторонам и начал приставать с вопросами.

– Если речь идет о кладбищах, нас привлекают всегда. И неважно, вандалы ли там развлекаются, или же кто-то решил провести темный ритуал. В случаях, если это может быть преступление с применением магии, мы присутствуем неофициально, проверяя издали.

– Как?

А вот это уже мой профессиональный секрет, но что мешает сказать правду так, чтобы её сочли за издевку:

– Носом чую.

Юра хмыкнул и явно не поверил. Зря, между прочим, но с этим разберемся попозже.

– Вам Лапшин сказал про моего отца?

Поначалу я даже не поняла, про кого он говорит. А потом дошло, что это он про Потапыча. Вот сразу понятно, давно у нас этот работник или нет – через полгода фамилия начальства из памяти практически выветривается.

– Да.

– И?

– И ничего. В каждой семье свои заморочки, ваши ничуть не лучше и не хуже, чем у остальных, – пришлось закругляться, потому что старая ограда, почти полностью скрытая зарослями разлапистых кленов, уже маячила впереди. – Давай сразу договоримся – психоаналитиком я у тебя работать не собираюсь, так что на уши приседать не стану. Намеренно мешать тоже не планирую. Если что-то хочешь узнать, прямо спрашиваешь, при условии, что это не несет для тебя непосредственной угрозы, отвечу, а дальше смотри сам. Я тебе не мама, чтобы хвосты заносить. Короче, не будешь дурить и задирать нос, окажу всю возможную помощь, а с отцом разбираешься сам. Устраивает?

– Полностью, – впервые за эти несколько часов Юра улыбнулся и пожал мне руку, стараясь сильно не сжимать ладонь. – Так что тут происходит?

– Шум, странные звуки и смех, который характеризовали как «сатанинский». В общем, нормальный день в нашем уютном городке.

– А разве ритуалы проводят днем? – Стажер на удивление мягко закрыл дверь, чем заслужил ещё один плюс в карму. – Они же не будут действовать...

– Я тебе больше скажу, это кладбище вообще не подходит для ритуалов, так что, скорее всего, здесь не наши клиенты, – я поторопилась зайти в тень старых каштанов, из которых состояли здешние аллеи. Тишина и благодать, к тому же тут оказалось на удивление чисто – аккуратно подметенная старая плитка, кое-где отливающая коричнево-зеленым мхом, покрывавшим большинство надгробий и оград. Разве что искусственные цветы порой резали взгляд излишне ядерной раскраской, вводя в заблуждение пару крупных бабочек, плясавших между крестов. Пастораль...

– Почему? – Стажер держался рядом как приклеенный, с любопытством оглядываясь и приносиваясь. – Разве не все кладбища для этого подходят?

– Нет, причем, далеко не все. Дело не в том, что здесь кого-то закопали, это просто место, где находятся захоронения. Раньше кладбища устраивали там, где пересекаются силовые линии, дураков, желающих на таком пересечении поселиться, не так много, – мы направились в самую старую часть, где имелся старый склеп, неизменно будоражащий воображение местных мальчишек. – Даже человек, в котором нет абсолютно ничего колдовского или ведовского, чувствует постоянную тревогу и нервозность.

– Это же старое кладбище, почему его построили здесь?

– Ай-яй-яй, стыдно не знать историю родного города. Здесь когда-то был каменный карьер, который через пару десятков лет истощился. Вот и решили – чего добру пропадать? – Впереди послышались непонятные звуки. – Живо на землю!

Поскольку отрок моим словам не внял, пришлось положить ладонь ему на загривок и помочь опуститься.

– Что там? – Шепот оказался почти театральным, но уже хорошо, что хотя бы попытался понизить голос.

– Пока не знаю, но оно мне заранее не нравится.

Нос не просто чесался, а нестерпимо зудел. Такое впечатление, что вот-вот чихну, чих же все не получается. Мерзостное ощущение. Но это ладно, перетерплю, сейчас надо понять, что там происходит.

– А может...

– Сиди и не рыпайся.

Я устроилась рядом с парнем, размышляя, что делать. Тут справедливо изречение «не пойман – не вор», поэтому или стоит все-таки пойти на разведку боем, или же дожидаться, когда всё утихнет. Ну, а что, тоже вариант. Свои

способности мне применять нельзя, про Юрины и вовсе лучше забыть, не хватает только, чтобы прямо посреди кладбища возник волчонок-переросток.

– Побудь здесь, я сейчас, – раз уж я назначена старшей, то приходится соответствовать. Хотя очень хотелось плюнуть на разборку местных ведьм и уехать домой. Пусть хоть патлы друг другу повыдергивают, не такая я дура, чтобы лезть в скандал двух представительниц моего же пола. Чревато это.

Стажер решение не поддерживал, о чём и попытался заикнуться, но, напоровшись на предупреждающий взгляд, замолчал. Благословения я от него, естественно, не дождалась, поползла так. Ну, или сделала вид, что ползу, потому что джинсы только из стирки. Пришлось шустро передвигаться почти на четвереньках, стараясь не попасть на глаза враждующим сторонам.

Они, эти стороны, обе были мне знакомы, хотя подругами ни одну, ни вторую я назвать бы смогла при всем желании – ведьмы патологически не любят товарок. Единственное исключение составляют члены одной семьи. Но даже в этом случае к рассерженной ворожее приближаться стоит медленно и осторожно.

– Дамы, может, вы переместитесь куда-нибудь в менее людное место? – Воспользовавшись перерывом в словесной баталии, я подала голос, пользуясь прикрытием большого мраморного креста, покрытого пятнами лишайника. И сама поморщилась от невольного каламбура.

В ответ на предложение низенькая толстушка с заплетенными во множество черных косичек волосами резко повернулась в мою сторону и сделала замысловатый пас руками. И только потом, узнав, ойкнула и прикрыла рот ладонью. Но это уже не помогло, и я почувствовала, как щиколотки обвивают невидимые путы.

Неприятно, да и сжимают сильно, но ничего страшного в этом нет, обычная ворожба, к тому же не особо талантливая, при желании я могу это сделать гораздо эффективнее.

Пока я растирала освобожденные от ловушки икры, вторая из ведьм, уперев руки в тощие бедра, забыла про недавнюю противницу и сосредоточилась на новом объекте:

– Ты что здесь забыла? У нас приватная беседа.

Толстушка согласно мотнула головой и встала плечом к плечу с недавней врагиней.

– В курсе вашей приватной беседы не только магический патруль, но и обычные люди. Если я правильно помню, у тебя, Варвара, уже есть два предупреждения. – Подходить я не спешила. Воздух постепенно утрачивал ту самую густоту, от которой у меня грозил вот-вот начаться насморк, да и ведьмы больше не пытались ворожить. Уже хороший знак. – Напомнить, что будет, если получишь ещё одно?

– То же, что случилось с тобой, – Варвара в ответ ухмыльнулась, но прежней бравады уже не было. Ну, хоть до одной достучалась, осталось усовестить вторую, а это, к сожалению, гораздо труднее.

– Вот именно. Если не хочешь оказаться на моём месте, быстро собрались и разбежались по домам.

– Альбина, лучше не лезь, – Регина, в отличие от соперницы, в глазах правоохранительных органов ещё не провинилась, поэтому была понаглее. – Мы сами разберемся, лучше уходи, ты наши правила знаешь.

Ага, ещё бы я их не знала, если родная прабабка участвовала в их создании.

– Не вопрос. Я сейчас уезжаю, вы продолжаете свою разборку, на шум приедут обычные полицейские. Естественно, дело всё равно передадут нам. Дальше продолжать? Вы, конечно, можете и дальше бузить и даже применить магию против простых людей. За это на способности Варвары будет наложен блок. Года на два. Тебя, Регина, поскольку попала в первый раз, лишат способностей на месяц. Ещё хочется со мной поспорить?

Желающих не нашлось, что, безусловно, порадовало. Соглашаться они тоже не спешили, искоса переглядываясь между собой, выжидая, кто же первым струсит.

– Ну, и хрен с вами. – Как ни странно, именно Регина отвернулась и направилась на выход с кладбища.

– За вон тем надгробьем сидит мой стажер, не споткнись, – я кивнула на кусты возле массивной плиты, где оставила Юру.

– От тебя не то, что мужья, даже стажеры убегают. Нет там никого.

Слова профилактической беседы, которую я собиралась провести с Варварой, мгновенно вылетели из головы.

– Ладно, я с тобой потом свяжусь, – отмахнувшись от оставшейся провинившейся, поспешила в наши засадные заросли. И куда понесло этого недоумка?

Я повертелась на месте, пытаюсь понять, в какую сторону бежать, чтобы успеть перехватить Юру. Не то, чтобы здесь было настолько опасно, всё-таки мы не в глухом лесу темной ночью, и всё же...

Приглушенный крик донесся из центра кладбища, туда я и припустила, непочтительно перепрыгивая через надгробья и мысленно принося извинения их владельцам. Не думаю, что они будут сильно возражать, но кто знает, вдруг появится у нас в городе суперсильный некромант, поднимающий нежить, а там на меня уже и зуб готов. Хотя для того, чтобы воскресить что бы то ни было, выложиться нужно настолько, что, скорее, сам сдохнешь, чем оживишь какого-нибудь жука.

Миниатюрная козья ива расползлась настолько, что почти полностью накрыла вход в склеп. Но не кусты и не приоткрытая дверь последнего пристанища местных аристократов меня занимали, а сидящий на дорожке парень.

– Ты как? – прежде чем орать и физически воспитывать, я осмотрела выданного мне под отчет стажера. Вроде, ничего, разве что нос разбит, да наполовину оторванный воротник ветровки испачкан кровью. Ну, и светлые брюки все в грязевых разводах, разбавленных зелеными следами от травы.

– Нормально, – Юра, стараясь незаметно опереться на соседний крест, встал на ноги, с сомнением оглядев свою одежду, явно желая отряхнуться. А потом махнул рукой, понимая безнадежность этого мероприятия.

– Тогда какого хрена ты поперся сюда, когда я сказала сидеть на месте?! – Мой вопль заставил замолчать скачущих среди листвы воробьев, а неподалеку кто-то охнул, а потом тихо заскулил, сбившись под конец на совсем уж жалобную ноту.

Стажер сделал знак помолчать и что-то попытался объяснить на пальцах. Его пантомима мало что прояснила, поэтому я полезла проверять, кто затаился в соседних кустах.

Двое пацанов лет двенадцати как раз старательно ерзали, пытаюсь освободиться от петли ремня, которой их связал мой новоявленный помощник. Конечно, они бы и стреноженными удрали, но ствол дерева, к которому и были прикованы, этому сильно мешал.

– Это что за детишки?

Мальчики завозились активнее, старательно не поднимая на меня глаза.

– Они пытались поднять могильную плиту в склепе.

– Зачем?!

Юра философски пожал плечами и поморщился, тронув нос, предоставляя мне право провести допрос.

– Колитесь, молодое поколение, чья идея была поиграть в Тома Сойера?

– Мы вообще просто мимо проходили!

– Да!

Киндеры заверещали на два голоса, жалуясь на наш произвол, после чего пошли вялые угрозы и намеки на ого-го каких крутых пап, старших братьев и просто знакомых.

– Так, ладно, раз признаваться не хотите, поехали в отделение, узаконим и запротоколируем наши отношения. Пока вы будете общаться с инспектором по делам несовершеннолетних, я поговорю с вашими родителями, у них как раз будет время замочить розги, встретят вас из «обезьянника» по всей форме.

После этого мальчишки резко утратили боевой настрой и начали каяться. Чьей идеей было влезть в склеп и посмотреть, что в нём хранится, мы там и не узнали. Идти ночью было страшно, к тому же кто их в такое время отпустит, поэтому юные гробокопатели пошли на дело днём. И были неприятно удивлены людностью обычно пустынного кладбища. Ни скелетов, ни призраков они не обнаружили, разве что слышали какой-то шум и женскую ругань, на которую не обратили внимания. Зато в процессе «вскрытия» один из отроков уронил себе на ногу монтировку, и именно его вопль услышал Юра. И, естественно, кинулся проверять, кто там мучает ребёнка.

Особого вреда, кроме ушибленного большого пальца одного из хулиганов, они нанести не успели, да и встреча с правоохранителями в таком тихом и уютном месте точно надолго отобьет охоту страдать фигней.

– Статьи за играющее в попе детство у нас пока нет, поэтому живо разбежались по домам. Если узнаю, что вы продолжаете чудить, родителям сообщать не стану, выпорю сама. Давайте-давайте, поскакали, пока я не передумала. Лучше бы за компами сидели и в танчики резались, – я проследила, как пацаны припустили в сторону тщательно законспирированной дыры в ограде, а потом повернулась к Юре. – Если думаешь, что сам намного лучше их, то ошибаешься. Я дала чёткие указания, ты сейчас мой подчиненный. И если продолжишь страдать ерундой, никакой папа тебе не поможет. Уяснил?

Стажер недовольно нахмурился, наверное, считая, что выдал зверскую гримасу. Блажен, кто верует.

– Что с лицом и одеждой?

– Ерунда, сейчас всё заживет.

– Это само собой, на тебе же, как на собаке, но на вопрос ответь, – я развернулась и пошла на выход, надеясь, что больше не встречу ни одного

недоумка, из-за которого задержусь тут ещё хоть на минуту. Удивительно, но надежда оправдалась, потому что единственный оставшийся на территории кладбища полудурок понуро брел следом за мной. – Запнулся о корень дерева?

Судя по тому, что сопение приобрело оттенок уязвленного самолюбия, угадала с первого раза.

– Дурдом... Ладно, на первый раз прощаю, – ага, можно подумать, у меня выбор есть, – но если это снова повторится, напишу отказ и попрошу перевести тебя в архив. Будешь там рыться в старых делах и глотать пыль. Уяснил?

– Да, – процедил он это сквозь зубы, но я не гордая, сгодится и так.

– Вот и молодец. А теперь поехали в гости к злой ведьме, которая разденет тебя и злостно надругается.

К тому времени за ограду мы уже вышли, поэтому я могла насладиться выражением удивления и ужаса, отчетливо читаемых на лице Юры. Он даже притормозил, не решаясь приближаться к моей ласточке.

– В смысле?

– Лезь в машину. Заедем ко мне домой, постираю твои шмотки, не в таком же виде в отделение ехать.

– А что там было под надругательство? – Не то, чтобы он полностью успокоился, но дверь открыл.

– У меня нет мужской одежды, поэтому пока побудешь в моих вещах. И если будешь себя плохо вести, сфотографирую и выложу в соцсети.

Не знаю, впечатлила ли его эта угроза, но всю оставшуюся до моего дома дорогу Юра промолчал.

«Первый ход – Е2-Е4, а там... А там посмотрим»

к/ф «12 стульев»

Надо сказать, что жила я в живописнейшем местечке. Насколько знаю, строительные компании уже давно облизываются на этот оазис деревенской экзотики посреди шумного города. Проглотить же мешают два момента – домовладельцы из числа пенсионеров, которые плевать хотели на коммунальные удобства и готовы носить воду в лютый мороз от колодца, и умельцы-мелиораторы. Если с аборигенами все понятно, то последние, пытаясь осушить пару небольших солончаков за оврагом, добились того, что и на огородах, приткнувшихся за домиками, тоже подозрительно зачавкало. А владельцы погребов во время весеннего половодья теперь могли насладиться брачными играми тритонов, не выходя из собственных домов.

Пятистенок, стоящий на небольшом пригорке, мне достался от бабушки. Поскольку старушка уже больше десяти лет, как почил, тут следует желать Царствия Небесного, но Матрёна Никитична была столь сложна характером, что в её пребывании среди Куш я как-то сомневаюсь. И стараюсь обходиться более обтекаемым – земля ей пухом. Не подумайте, будто я настолько неблагодарна, что, получив наследство, тут же принялась очернять память усопшей, с этой задачей бабуля прекрасно справилась без посторонней помощи. Даже сейчас, через столько лет после того, как её не стало, дом предпочитают обходить стороной, сплевывая через левое плечо. Мне это только на руку, избавляет от нежелательного любопытства.

Приткнув «девятку» перед воротами, я отстегнула ремень безопасности и скомандовала стажеру:

– На выход.

Юрий не торопясь выбрался, продолжая крутить головой в попытке всё рассмотреть и запомнить.

– Может, стоит убрать машину с дороги?

– Там дальше тупик, а у бабки, живущей за мной, нет даже велосипеда.

Видимо, ответ удовлетворил, во всяком случае, приставать с проблемой парковки он больше не стал. Зато не отказал себе в удовольствии подоставать другими вопросами:

– Вы давно здесь живете?

– Лет восемь, – тихо скрипнув калиткой, я отступила, чтобы пропустить дорогого гостя, который почти татарин. – Иди вперед по дорожке и никуда не сворачивай.

– По идее, это должны быть мои слова, – Юрий неожиданно улыбнулся. Неожиданно в том плане, что так жизнерадостно скалиться, стоя на пороге ведьминского дома, может не всякий. – А почему вы пошли работать в полицию?

– Ты ещё про зубы спроси. Сейчас снимешь одежду, я её застираю и повешу на солнце, за час должна просохнуть. И не забывай, нам ещё рапорт писать.

Полосатая корноухая кошка, отдохавшая в тени зарослей лилий возле крыльца, проводила нас недовольным взглядом, но потом вспомнила, кто тут хозяин, и неторопливо удалилась за куст черной смородины. Насколько знаю, у неё там лаз к соседям.

– И что в нем надо написать? – Стажер, оказавшийся в прихожей, старался не особо заметно глазеть по сторонам, но от любопытства у него даже слегка шевелились уши.

– Зришь в корень. Надо написать, что к нашему прибытию на кладбище было тихо и благолепно, как на кладбище. Такая вот тавтология, – я разулась и, вступив в тапки, протянула руку. – Куртку давай.

– А почему не написать так, как было на самом деле? – Закончив приглядываться и принюхиваться, Юрий с легким разочарованием на лице повернулся ко мне. Видимо, он ожидал увидеть натуральную избушку на курьих ножках, а оказался в самой обыкновенной гостиной. Даже без так привычного взгляду серванта,

вместо этого памятника совдеповской роскоши одну стену у меня занимали книжные полки от пола до потолка. Но даже больше, чем количество книг, редких гостей удивляло отсутствие телевизора. Да, его у меня нет вообще. Посмотреть фильмы можно и через ноутбук, а страстью к просмотру новостей я не страдаю.

– Потому что это ты у нас отстажируешься и пойдешь покорять новые высоты. А мне с этими людьми ещё работать.

Хотя штопанье чужой одежды это не вышивка крестиком, но и такое занятие заметно расслабило и настроило на дружелюбный лад. Наверное, только поэтому я терпеливо отвечала на вопросы Юрика вместо того, чтобы послать.

– Это понятно, но ведь нарушение было! – стажер, понимая мою точку зрения, зачем-то полез отстаивать собственную. Надо сказать, что в моих спортивных штанах и своей рубашке он смотрелся очень колоритно, хотя и несколько стеснялся своего вида.

– Было. И ещё будет. И не раз, – я по старой привычке перекусила нитку, хотя ножницы лежали под рукой. Эх, останусь так без зубов... – Ты садись, хватит мельтешить.

Парень устроился в соседнем кресле и с видимым скепсисом приготовился внимать прописным истинам.

– Если собираешься работать по нашему профилю, запомни – нет никого страшнее оскорбленной ведьмы. Лучше прерви ритуал мага, выбей клык вампиру или подари оборотню на день рождения ошейник с надписью «Тузик». Всё это фигня, но ведьму не зли. Потому что маг, вампир или оборотень тебя просто убьют, а вот наше племя сначала сделает всё, чтобы тебе самому захотелось повеситься, и только после этого с удовольствием понаблюдает, как ты подыхаешь.

Глупых вопросов Юрий задавать не стал, то ли впечатлившись моими словами, то ли просто глубоко задумавшись. Мне он ничуть не мешал, поэтому пока стажер хмурился, глядя в одну точку, я успела не только починить и застирать его одежду, но и сунуться на кухню.

– Жареную картошку будешь?

– Буду, если предложите, – похоже, непринужденное общение приносило плоды, во всяком случае, гонору в парне существенно уменьшилось. – И всё-таки, если ведьмы такие могущественные, почему вы пошли работать, фактически, против своих же?

Сразу отвечать я не стала, раздумывая, что именно сказать. Раскрывать душу мне не хотелось, но и рушить наметившееся взаимопонимание тоже ни к чему. Поэтому ответила уклончиво, сама себе напомнив участницу конкурса красоты:

– Потому что кому-то надо это делать. И кто, если не мы?

Приоткрытое окно распахнулось чуть шире, а занавеска съехала в сторону под давлением кошачьей головы, которая опасливо заглянула на кухню. Полосатую манил запах готовящейся картошки, но наглотать и спрыгивать с подоконника она не стала. В другое время я бы, возможно, её шуганула, если бы не знала, что пару недель назад у неё появились котята. Выводок кошка спрятала на чердаке, поэтому мне от него ни жарко, ни холодно, но оставлять кормящую мать без еды нехорошо.

– Ваша? – Юрий по-джентельменски взялся нарезать салат и сейчас довольно проворно орудовал ножом, кромсая свежую капусту.

– Нет. Осталась от соседей, которые переехали зимой, – решив, что испортить салат помощник не сможет при всём желании, я пока занялась животинкой.

Полосатая, которая у меня под этим именем и проходила, тут же очутилась возле крыльца, дожидаясь, когда блюдце с молоком окажется на земле, а сама я отойду. По негласному соглашению она не поднималась выше второй ступеньки, а я не тянула руки, пытаюсь погладить. Несмотря на давнее знакомство, общались мы не запанибрата, я подкармливала зверя, кошка же, в свою очередь, гоняла мышей и служила номинальным домашним питомцем. А то что это за ведьма, у которой ни кота, ни любимой жабы?

Как ни странно, стажер почти перестал меня раздражать, наверное, потому что больше не доставал вопросами, вел себя тихо и уважительно. Поэтому мы с ним с удовольствием пообедали, и я даже великодушно отказалась от его

предложения помочь с мытьем посуды.

– Раз время есть, давай пока восполним пробелы в знаниях по магии, – я закончила вытирать тарелки и уселась напротив Юрия. Тот сразу подобрался, и сытая лень в глазах сменилась заинтересованностью. – Начнем с простого – существ, которые отличаются от людей и по физиологии. Например, вампиры. Что ты о них знаешь?

– Выпендрежники, – фыркание получилось с долей превосходства, но меня это ничуть не удивило.

– Не без этого, но мы сейчас о другом. Что ты знаешь об их сверхъестественных способностях? Ведь не зря же люди о них почти легенды слагают. Впрочем, как и о твоём племени.

– Все кровососы способны загипнотизировать. Ещё они бледные и одеваются, как педики, – похоже, из вредности Юра не хотел признавать право за вампирским племенем вести себя своеобразно.

– Ну, про бледность ты прекрасно знаешь, как и про необходимость пить кровь – это генетическое. А вот насчет гипноза – в точку. Поэтому и пошли гулять истории про летучих мышей, туман и прочую бутафорию. Как видишь, нет ничего, что нельзя было бы объяснить логически.

Несмотря на явную нелюбовь к классовому врагу, стажер кивнул, нехотя признавая мою правоту. Вот не знаю, как оборотни, а я вампиров даже жалела. Это в фильмах и книгах все романтичненько и готичненько, а на самом деле – генетическая аномалия, закрепившаяся в ДНК и передаваемая по наследству. Если обычные люди могут жить, довольствуясь стандартным набором аминокислот, то тем, кого прозвали носферату, нужны ещё пара, содержащиеся исключительно в человеческой крови. Да и враньё это про постоянную жажду, насколько знаю, абсолютное большинство этих бедолаг мутит от необходимости прикладываться к чьей-то вене. А если добавить ещё и разгул всяких болячек типа вирусного гепатита, то вампов стоит пожалеть. Ни тебе умения проникать туманом в опочивальню юной девы, ни сверкания на солнце, только необходимость раз в несколько недель пить кровь и чувствительные к солнцу глаза. Не спорю, есть и среди этого племени отморозки, но в большинстве своем вполне безобидные чудики, решившие придать себе таинственности и

мрачности. Отсюда и пошли черные плащи с красным подбоем и прочие выверты моды.

– Про твою родню и вовсе говорить не будем, сам знаешь, – я посмотрела на часы и решила поторопиться, чтобы наше настолько долгое отсутствие не выглядело совсем уж подозрительным. Понятно, что ложный выезд, занявший три часа, выглядит странно, отоврусь, будто показывала самые злые и страшные подворотни города. – А теперь ближе к интересующему тебя вопросу. Знаешь, чем маги и ведьмы отличаются от людей?

– Умением использовать магию.

Какой вопрос, такой и ответ, надо было спрашивать точнее.

– Само собой. Я имела в виду другое – как ты можешь в толпе отличить кого-то из магической братии от обычного человека?

Юра немного задумался, а потом пожал плечами:

– По запаху?

Версия самая ожидаемая, поскольку более тонкое обоняние было козырем оборотней.

– Мимо. Правильный ответ – ничем. Ни ваш вид, ни вампиры никак не могут отличить нас от людей. Поэтому и возникают казусы, если кто-то попытается покуситься на прогуливающуюся ведьму, но, как правило, небольшой молнии, подпаливающей хвост, достаточно, чтобы указать на досадную ошибку. Для того, чтобы узнать, кто перед тобой, в каждую выездную бригаду нашего отдела и включают мага или ведунью.

– А почему ведьмы в основном женщины? – Разговор стажера так увлек, что он сел гораздо свободнее, перестав держать спину прямой, а в глазах читался азарт.

– Потому что тут нужно обратиться к истокам различий между магами и ведьмами. По сути и одни, и вторые ничем ни внешне, ни внутренне от людей не

отличаются. Но они могут использовать внешнюю энергию. Помимо видимых проявлений вроде того же ветра или морского прибоя, существует особая невидимая волна, которую излучает абсолютно всё. Даже неживая материя. Есть те, кто такое излучение просто чувствует, их называют или экстрасенсами, или медиумами, или просто шарлатанами. А существует и те, кто не только видит, но и может эту энергию преобразовывать. И они делятся на два типа – ведьмы немного слабее, но при этом обладают практически неисчерпаемыми запасами силы, потому что им намного проще пополнить энергию. Если так можно выразиться, сам процесс использования таких волн записан у нас в подкорке. Магам же в этом плане немного сложнее – их умения основаны на знаниях. Даже слабая ведьма при должном старании может вызвать ливень, потому что находится в тесной связи с природой. Магу же придется проводить ритуалы и перечитать дочерта книг и заклинаний, зато, когда он это сделает, ему ничего не будет стоить вызвать не дождь, а ураган. Врожденные умения в девяти случаях из десяти имеют женщины, магами, как правило, становятся мужчины.

– То есть для мага грабить ювелирку это слишком мелко?

– Да нет, почему же... Просто магу по затрате сил и телодвижений гораздо проще было бы на несколько минут ослепить всех, кто был на этаже. Ну, или массово подкорректировать память, но это уже высший пилотаж, магов такой силы по пальцам одной руки пересчитать можно. Ведьма же просто отвела глаза. Подожди, посмотрю, не высохла ли одежда.

Его вещи были ещё чуть влажными, но глажка это дело исправит, к тому же брюки выглядели так, как будто их жевала корова. Но настолько далеко моя доброта не распространялась, поэтому встать к доске пришлось владельцу штанов.

– А не может так быть, что маг решил закосить под ведьму, поэтому и использовал такой способ? – Юра орудовал утюгом, сосредоточенно хмуря брови. Нос, ещё час назад похожий на перезрелый помидор, постепенно утрачивал не совсем натуральные форму и расцветку, возвращая парню более привычный вид.

– Теоретически возможно, а на практике – нет. В течение нескольких часов после такого вмешательства магический фон носит отпечатки произошедшего. Так вот, в «Азимуте» использовали именно натуральные «ниточки» силы. Ничего, что свидетельствовало бы о присутствии мага, там не было. Но попытка хорошая,

хваляю, – заметив, что стажер закончил с глажкой, я деликатно отвернулась, давая возможность одеться. – Когда приедем на работу, языком особо не мети. У нас не любят болтливых, сам понимаешь, в таком разношерстном коллективе у всех свои секреты и заморочки. Чем меньше будешь трепаться, тем больше вероятность, что постепенно примут за своего.

Судя по немного угрюмому выражению лица, Юра впервые серьезно задумался – а оно ему надо?

Глава 4

«А вдоль дороги мертвые с косами стоят...»

к/ф «Неуловимые мстители», 1967г.

Нет, все-таки надо было этим балбесам уши оборвать!

Я с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть на распечатку со сводкой происшествий за последние сутки. Сдержалась только потому, что не все ещё её видели, некультурно как-то...

Вчерашний выходной прошел не в пример лучше прежнего, и на работу я шла в благодушном настроении. Тепло, легкий ветерок, даже получилось немного позагорать, хотя злое солнце успело отметиться, и теперь обе лопатки попеременно зудели, заставляя ерзать и пытаться их почесать. Бородатую шутку про растущие крылья никто не озвучил, может, посчитали подобное в моем отношении форменным святотатством, а может, просто не заметили этих телодвижений.

Начальство с утра было крайне деятельным, чем подчиненных несколько тревожило, но особых проблем от жизни я не ждала, потому известию о вчерашнем осквернении склепа на Северном кладбище не обрадовалась. Такое событие вообще редко приносит удовольствие, а меня ещё и глодала досада – имена пацанов спросить не догадалась, отчего теперь морально страдала. Если

Потапыч про это узнает, велик риск пострадать ещё и физически, поэтому лучше молчать в тряпочку. Бить вряд ли будет, но отвесить легкий подзатыльник в профилактических целях вполне способен.

Интересно, они эти пять дней набирались храбрости или раньше просто не было времени?

Сама я в детстве была пацанкой и прекрасно помню, как легко пойти на какую-то глупость, подначивая друг друга. По идее, мальчишки должны были снова полезть в тот же день, подождав, пока мы с Юриком уберемся с кладбища, а тут что-то подзадержались.

О, легок на помине!

– Ну, давай, хвались, – судя по лицу, на котором время от времени прорывалось торжествующее сияние, у стажера были новости. Возможно, они меня даже порадуют.

– Максим Сергеевич сказал, если я раскрою дело о попытке ограбления ювелирного магазина, он возьмет меня в отдел.

Надо же, как мало надо ребёнку для счастья...

Сама я сюда попала не совсем, чтобы по горячему желанию, поэтому стремления закабалиться и пахать на благо Родины не ощущала, но чувства Юры уважала и вполне правдоподобно улыбнулась:

– Поздравляю. Продвижения по нему есть? – Можно было бы напомнить про отца, который, мягко говоря, не жаждет видеть сына в нашем гадюшнике, но, думаю, об этом и без меня есть, кому сказать. Пусть порадуются, может, работать будет эффективнее.

– Небольшие, – к моему удивлению и удовольствию, убитым по этому поводу Юра не выглядел, видимо, понимал, что далеко не всегда и не всё можно сделать с наскока, иногда надо перелопатить гору мусора, чтобы найти что-то ценное. – У меня хороший знакомый работает в компании, которая устанавливает и обслуживает камеры видеонаблюдения, хочу съездить к нему и попросить

поделиться записями.

– Так их же, вроде, уже приобщили к делу?

– Это те, которые были возле ювелирного, а я ещё хочу глянуть на записи с наружных камер. Там рядом банк и салон красоты, обвешены по самую крышу, главный вход в торговый центр с них просматривается. Вдруг что увижу.

Рвение было похвальным, к тому же инициатива хоть и наказуема, но приветствуема, поэтому ничего дурного в его желании я не видела:

– Не вопрос, только сначала отвезешь меня на кладбище.

К сожалению, хорошая ходовая не спасла от гвоздя, брошенного какой-то заразой на дорогу. Запаску я вытащила из багажника пару недель назад, потому что иначе туда не помещался Наташкин матрас. За каким чертом было припрягать меня везти этот матрас через весь город, если есть доставка, я так и не поняла, но нам было по пути, поэтому согласилась. И пару часов назад, выглянув в окно и увидев скособоченную ласточку, сразу вспомнила, что обратно запаску так и не забросила, поэтому придется нынче быть безлошадной. Сашка безропотно согласился немного пострадать во имя бывшего брака, но заменить колесо сможет только после работы, а до пяти ещё ого-го сколько времени.

– Не таращи глаза, не в этом смысле. Мне по работе, а не на ПМЖ.

– Ааа...

Мне в его голосе почудилась нотка разочарования, но акцентироваться на ней не стала.

– Вчерашнюю сводку смотрел? – Забросив в сумку кое-какие бумажки и предупредив, что уехали «в поля», я поспешила за стажером.

– Ещё нет, а что там? – Юра подошел к неброскому темному седану и галантно открыл пассажирскую дверь.

– Гробокопатели вернулись, – не дождавшись от него внятных эмоций, я пояснила: – Пацаны, которых ты шуганул. Вчера вечером сторож кладбища заметил, что двери склепа приоткрыты. Взять оттуда нормальному человеку нечего, но вандализм налицо – крышка саркофага разбита, внутри ничего нет, на стенах баллончиком сделали дебильные надписи.

– Вот гаденыши!

Я была полностью согласна с его характеристикой, поэтому кивнула, но мысли не давали покоя – они же знали, что мы их видели, зачем лезть на рожон? На малолетних отморозков не похожи, обычные подростки. Ну, есть у них избыток свободного времени и нехватка мозгов, так это сплошь и рядом...

– Ты их хорошо запомнил?

– Если встречу, сразу узнаю, – вел машину Юра намного аккуратнее и осторожнее меня, поэтому в сторону пассажира практически не поворачивался. – А смысл? Мы же не знаем, где их искать, они могут быть вообще из другого района.

Призвать правоту очень не хотелось, но пришлось – помимо наших подозрений ничего этим паршивцам предъявить мы не могли. К тому же дел и так по горло, не хватает только бегать по улицам и заглядывать в лица всем школьникам.

– А если по запаху? – Меня не оставляло желание наказать кибальчишей, поэтому пришлось снова пристать к Юрику.

– Альбина Константиновна, я же не розыскная собака! – Стажер обиделся, хотя и пытался не показать виду. – Да, обоняние у меня лучше, чем у обычного человека, но вы же, наверное, знаете...

– Знаю, это я так, не подумав. Проезжай немного вперед, так будет ближе идти.

Да, нюх оборотней тоньше и чувствительнее, вот только, чтобы взять след, Юре нужно обернуться. А это все-таки дело довольно интимное. Если возникнет острая служебная необходимость, придется, об этом его должны были предупредить сразу, но в том и дело, что сейчас её нет. Да и не настолько

хорошо мы знакомы, чтобы он спокойно обернулся при мне. Это всё равно, что ведьме ворожить, когда у неё за плечом стоит и восторженно сопит толпа наблюдателей. Ни сосредоточиться, ни получить от обряда удовольствие, единственным желанием останется разогнать всех к чертовой бабушке.

Мы в молчании прошли мимо смутно знакомых могил, углубляясь в старую часть кладбища. Сегодня здесь было не так умиротворенно, как в прошлый раз. Может, у меня мнительность сработала, но что-то поменялось. Казалось, всё вокруг застыло в ожидании.

Судя по тому, что Юра насторожился и не очень умело пытался скрыть своё оглядывание по сторонам, не у меня одной обострилась паранойя.

– Что-нибудь чувствуешь? – До склепа оставалось уже недалеко, и я немного ускорила шаг. Как-то беспокойно здесь...

– Нет. А вы?

– Тоже нет. Давай побыстрее посмотрим и уезжаем, мне здесь не нравится.

Вместо того, чтобы снисходительно хмыкнуть на женскую блажь, стажер серьезно кивнул. Всё-таки неплохой мальчик. Немного бестолковый и напоминает восторженного щенка, который без усталости бежит по кругу, но это дело поправимое. И будет очень жаль, если Юра не сможет настоять на своём и подчинится отцу.

Склеп производил унылое впечатление и, вместе с тем, выглядел немного угрожающе. Темная дверь, чуть раскрашенная ржавчиной у петель, висела ровно, но свежие царапины прямо указывали на то, что её недавно открывали. Больше снаружи ничего не было, разве что немного примятая трава, но это вполне может быть свидетельством нашего прошлого посещения.

Магией здесь не фонило, что ожидаемо, но всё же расстроило. Значит, кто бы тут ни куролесил, пользовался он только естественными силами. И фомкой, как их сосредоточением.

– Вампиром воняет, – голос Юры был тихим, но в нём звучали отдалённые рычащие нотки. Для полноты картины не хватает только упасть на четвереньки и вздернуть верхнюю губу, обнажая клыки.

– Давно?

– Последние сутки.

А вот это уже намного интереснее.

Конечно, никто не может запретить вампиру прогуляться по кладбищу, но это уже перебор.

– Может, он оттуда вылез? – Подергав ручку склепа и убедившись, что дверь заперта, Юрик снова деятельно принялся.

– Глупости не болтай. Ведь знаешь же, что это всё сказки, подняться из мертвых невозможно.

– Вы атеистка?

Я отмахнулась, не желая вступать в религиозный диспут. Тоже мне, теолог нашёлся. Всё намного проще – кто-то вскрыл склеп, а рядом пахнет вампиром. Это если верить стажеру, вдруг с него станется из-за давней видовой вражды приврать.

– Я понимаю, что тебе хочется приплести сюда вампиров, но, если руководствоваться твоей логикой, это мог быть и оборотень. Там же прах, может, кто из ваших проголодался и решил косточку погрызть?

– Альбина Константиновна!

– Вот и хватить ерундой заниматься, – я решительно отвернулась и направилась на выход с кладбища. – Это не наш профиль, магия не применялась, никаких обрядов не проводилось. Пусть обычные менты ищут этих малолеток, может, чего и найдут.

Хотя, вряд ли.

Юра громко и протестующее сопел, но возразить не посмел, зато смотрел в спину крайне неодобрительно. От его взгляда она аж зачесалась. Или это обгоревшие лопатки?

Попрощавшись у кладбищенских ворот и благословив отрока на подвиг добычи информации, я решила прогуляться по окрестностям. Вероятность встретить пацанов практически равна нулю, но бывают же чудеса. К тому же от того, что полчаса подышу свежим воздухом, город не захлестнет волна преступности. Заодно будет время подумать.

Оборотни и вампиры давние враги, хотя были времена, когда они объединялись против общего противника.

Ведьм.

Темные века инквизиции минули давно, но память о них среди нашего племени жива-живехонька, и, например, моя семья несколько неодобрительно относится к бывшим недругам.

Люди знают крайне упрощенную версию тех событий, зато сверхъестественный мир помнит всё намного четче. Так вышло, что ведьмы смогли получить такую силу и власть, о которой до и после этого никто старался даже не думать. Потому что хорошими средствами и методами её не достигнуть. Но факт налицо – гордыня и властолюбие сыграли злую шутку, и против нас объединились те, кого ведьмы сочли слабыми. Поодиночке вампиры и оборотни долго бы пытались победить, но их предводителям хватило ума выступить вместе. Даже в человеческих хрониках есть намеки на это – никто же особо не задумывается, откуда пошло название ордена доминиканцев.

Домини канес.

Псы Господни.

Да и другие намеки есть, но несвоевременно и неправильно направленное научное рвение успешно устраняется, и мы продолжаем жить в мире и согласии

с людьми. Ну, преимущественно в мире и согласии.

Ненависть к существам другого вида уже давно угасла, и теперь мы работаем вместе, но бывают и среди нашего племени маниакальные фанатики, которых хлебом не корми, дай стравить кого-нибудь. Мне дела минувших дней были глубоко безразличны, поэтому никаких моральных терзаний от своего окружения я не испытывала, чего не скажешь о родне. Со временем и они уgomонились, но память о нервном срыве глубоко мной ненавидимой тетушки Тамары жива и в плохие дни греет душу. А всего-то надо было, что честно признаться – я вышла замуж. За вампира.

Мозговой штурм результата не дал, зато получилось проветрить голову, что всегда хорошо. А если в рабочее время, то ещё и очень приятно. Наверное, такое отношение к труду я переняла у коллег – нам всем нравилось то, чем мы занимаемся, но признаваться в этом вслух никто не спешил, делая вид, что смертельно устали. Вот бы бросить эту богадельню и заняться чем-то другим... Но никто не спешил покинуть коллектив.

Моя машина всё так же радовала взгляд спущенным колесом, в зарослях девичьего винограда оглашено орали воробьи, а пара дворовых котов сошлись возле мусорки, пока только топорща шерсть и тихо подвывая. Останавливаться, чтобы узнать, что выйдет победителем, я не стала (и так ясно, что черный с рванным ухом – он был местным патриархом уже года три), ведь на эту сторону выходит окно Потапыча. А поскольку именно тогда, когда это меньше всего нужно, начальство и выглянет во двор, я решила поработать.

Но дойти успела только до входа, за которым сидел дежурный, судорожно что-то дожевывающий, как навстречу выскочил только что мысленно упомянутый Потапыч.

– Ты почему здесь?!

Подлетел он с таким выражением лица, что на всякий случай сделала пару шагов назад. Может, у него бешенство?

– А где я должна быть?

– Ты должна Воропаева стеречь, почему он один по городу мотался? – Не дожидаясь ответа, начальник подхватил меня под локоть и поволок на стоянку. Поведение его было в высшей степени загадочным и настораживающим, поэтому я торопливо заперебирала ногами, понимая, что, если упаду, дотащит волоком.

– Да объясните вы, что не так! – Возле самой машины я все-таки освободилась и отряхнулась, пытаюсь расправить смятый рукав блузки.

– На него напали, так что быстро садись.

Когда говорят таким тоном, возражать не особо тянет, поэтому я сразу нырнула в салон и даже пристегнула ремень безопасности.

– Живой?

– Сплюнь! Живой... Он сам позвонил минут десять назад, ждет в переулке за Центральным рынком. Сказал, что нападавших было трое, – Потапыч резко вырулил со двора и поддал газу. – Почему тебя рядом не было?

– Потому что. Я же не могу за ним круглосуточно следить, – настроение было поганым, свою вину я всё-таки чуяла – время сейчас рабочее, значит, моя зона ответственности. И никого не волнует, что пацану за двадцатник, сказали, чтобы блюла и сторожила, значит, обязана... Вот гадство. – Он поехал уточнить кое-что по делу, которое ему дали. Я пока осматривала место происшествия на кладбище. Ну, не на поводке же мне его держать!

Последнее я добавила на укоризненный взгляд начальника.

– Ладно, не дергайся раньше времени, будем надеяться, с пацаном всё в порядке. Конечно, Егорыч всё равно узнает, но я тебя прикрою. Сегодня на работу больше не возвращайся, а то попадешь под горячую руку.

– Так страшен в гневе?

Ничего конкретного про Воропаева-старшего я вспомнить не смогла, а выяснить специально поленилась, за что теперь и расплачивалась.

– Да нормальный он. Юрка его единственный ребенок, жена в родах умерла, вот за сына и переживает, хотя старается не показывать.

Свежеотстроенная громада центрального рынка уже показалась над верхушками парка. Лет пять назад отцы города решили, что негоже нам позориться расползшимися во все стороны киосками и палатками, разогнали торгашей кого куда, всё снесли, а потом отстроили заново по последнему слову техники. Не спорю, получилось хорошо – три этажа торговых площадей, подземный паркинг на несколько сотен машин. Лепота. Вот только бюджет стройки «немного» превысил смету, а отбивать деньги нужно. Поэтому цена за аренду торговых площадей оказалась такой, что предприниматели покрутили пальцем у виска и заселять терем-теремок отказались. Теперь там проводились выставки мёда, сельскохозяйственные и меховые ярмарки, а те же киоски и палатки заняли несколько близлежащих улиц. Администрация города сначала пыталась бороться, потом махнула рукой, гоня торгашей только по праздникам и перед приездом важных столичных гостей. Те наш город визитами не особо баловали, ко всеобщему удовольствию.

Грузчики как раз мотались с тележками, заставленными коробками, ящиками и баулами, зычно перекрикиваясь и отдавливая ноги нерасторопным пешеходам. Остро пахло подгорелым хлебом и свежей рыбой. А когда ветер немного утихал, тонкий удушливый запах заставлял усомниться – а так ли свежа эта рыбка?

– Иди за мной.

Потапыч шел, как ледокол по забитому торосами проливу, а людское племя, само того не замечая, расступалось, пропуская нас. Что самое интересное, происходило всё машинально, вряд ли кто-то из покупателей отдавал себе в этом отчет. Но их можно понять, даже я, знаящая его больше десяти лет, сталкиваясь в коридоре, влипала в стенку отнюдь не из верноподданнических чувств. Просто когда на тебя прет двухметровая туша весом хорошо за центнер, сомнений уступить дорогу или нет даже не возникает. Принадлежность Потапыча к медведям была заметна сразу – и массивное тело, и привычка чуть запрокидывать голову, словно принимаясь к собеседнику, и немного косолапая походка. Натяни на него коричневую шубу, так и вовсе с десяти шагов не отличишь!

Чем дальше от центра торговли, тем меньше попадалось палаток, а тротуар становился грязнее. Полиэтиленовые пакеты, какие-то фантики, сломанные

пластиковые ящики из-под заморских фруктов, бумажные стаканчики... Всё это в изобилии валялось под ногами, заставляя внимательно смотреть, куда идешь.

Проулок лихо завернул почти под прямым углом, и мы, наконец, увидели Юру, стоящего рядом с машиной. К моему искреннему счастью, выглядел он вполне себе бодро, признаков мордобоя не заметно, одежда тоже цела. Прямо чудеса какие-то. Зато на переднем бампере машины имелось несколько внушительных вмятин, да и на капоте пара таких же. Их пострадавший рассматривал с заметной душевной мукой.

– Сам как? – Потапыч присоединился к созерцанию авто.

– Нормально. Их грузчики спугнули, – честно признался Юра, кося в мою сторону. – Прижали к обочине, заблокировали машину, сами выскочили из салона с бейсбольными битами, а тут из-за угла вырулило несколько тележек. Эти отморозки запрыгнули обратно и уехали.

– Номер запомнил? – Как ни странно, начальник успокаиваться не спешил, прогуливался рядом, аккуратно приносиваясь.

– Да, конечно. Один из них был не человеком, – это парень добавил уже намного тише, всё так же поглядывая в мою сторону.

Таааак... Кажется, я даже догадываюсь, что он сейчас скажет. Но сразу отвечать не пришлось, Потапыч, закончив изображать из себя Мухтара, тоже пристально уставился на меня.

Я сделала вид, что намеков не понимаю, завертев головой по сторонам.

В принципе, место выбрали неплохо – двухэтажные домики довоенной постройки соседствовали с ещё более ранними развалинами, вросшими в землю по самые окна. Древние расхристанные гаражи, переделанные предприимчивыми владельцами под складские помещения, за ними горы разнообразного мусора. Здесь без проблем можно было бы устроить дику охоту, никто особо внимания не обратит. Из ближайшей помойки деловито высунулась здоровенная крыса и, ничуть не смущаясь нашим присутствием, неторопливо перешла дорогу. Мы втроем заморожено посмотрели ей вслед.

– А чего мы тут до сих пор стоим? – Не то, чтобы я боялась грызунов, но и домашними любимцами они не были, к тому же дел ещё много.

– Так гайцы пока не приехали, мне справка в страховую нужна, – Юра с надеждой посмотрел на дорогу, но, увы, желанного экипажа не увидел. Это когда нарушаешь, они как из-под земли появляются, а если сам вызвал, ждать часа полтора.

У Потапыча коротко гукнул телефон, поставленный на вибровывоз, и начальство на несколько минут самоустранилось.

– Вампир? – Я подошла к стажеру почти вплотную. После некоторых книг вампы вошли в моду, но орать на всю улицу чревато.

– Да, – Юра для убедительности и головой мотнул, вдруг на слово не поверю. – Тот же, что был на кладбище.

Хрена себе... Для простого совпадения слишком, значит, это «жжж» неспроста.

– Ты в прошлый раз точно ничего не заметил? Может, просто не обратил внимания или не стал мне говорить?

– Я уже пару часов голову ломаю, но ничего такого не было, – Юра нахмурился, бросив короткий взгляд на Потапыча, продолжавшего общаться. Не то, чтобы у оборотней мегатонкий слух, просто я после перенесенной в детстве ангины глуховата на одно ухо. Не будь этого, может, тоже была бы в курсе начальственных переговоров. – Уже было подумал про связь с ювелирным, но тогда получается совсем ерунда какая-то.

Тут он прав, как ни думай обратное, но мир вокруг нас не вращается, и ожидать, что все наши дела окажутся мистическим образом связаны между собой, глупо.

Так, получается, кто-то влез в склеп, потом отловил Юру...

– А что ты здесь делаешь? Ты же собирался ехать по делам.

Уши стажера чуть заалели, без слов намекая на направленность интереса хозяина.

– Ну... Тут рядом девушка моя живет, я по пути завозил её из универа.

И смутился ещё больше.

Надеюсь, от того, что прогуливал рабочее время, только трепетного девственника в напарники и не хватало.

Тут одновременно произошли два события – приехали ожидаемые гаишники, и Потапыч, спрятав телефон в карман, направился к нам. Лицо его носило печать озабоченности и недовольствия, и я поняла, что сейчас и сама начну выглядеть точно так же.

Пока Юра разговаривал со служивыми и что-то им объяснял, начальник, почти нежно приобняв меня за талию, направился в тень ободранной липы.

– Альбин, тут такое дело – надо, чтобы ты пару дней за парнишкой присмотрела, – говорил он ласковым тоном, как с буйным шизофреником, и этим насторожил даже больше, чем, собственно, словами.

– Да я и так его каждый день сторожу, только сегодня одного отпустила. Кто же знал, что так получится.

– Это само собой, я про другое. Сейчас разговаривал с его отцом, Алексей в командировке, вернется, в лучшем случае, завтра, очень просил до этого времени сына из поля зрения не выпускать.

Я несколько обескуражено оглянулась на Воропаева и, помня о его хорошем слухе, торопливо зашептала:

– Да на кой он мне круглосуточно сдался?! Я в няньки не нанималась. Пусть переночует пока в гостинице или у друзей. И вообще мне его разместить негде, а жить два дня в чужом доме мне триста лет не сдалось!

– Не ври, у тебя четыре комнаты, – Потапыч, подтверждая, что дурной пример заразителен, тоже сильно понизил голос, ещё и вцепившись мне в руку – не иначе как думал, не сбегу ли от такого счастья? Я бы и рада, но теперь сделать это было крайне проблематично. – Никто не просит перед ним на задних лапах плясать, просто он у тебя пару раз переночует.

– А моя репутация?

– Чего ты дурачишься?! – Похоже, Потапыч начинал злиться, а это плохо, поскольку в таком состоянии он был не только опасен, но ещё и зануден. Завоспитывает так, что хоть самой в петлю лезь, лишь бы отстал. – Тоже мне непорочная дева нашлась! На кой ты ему сдалась, тетенька. Зато в твоём доме никакой вампир его тронуть не посмеет.

Что правда, то правда, но с мыслью о временном жильце я ещё не смирилась, потому судорожно искала тезисы против этой затеи.

К сожалению, найти не успела, как Юрик, наконец, освободился, а Потапыч, сияя фальшивой улыбкой, счастливо пробасил:

– Раз дело приняло такой оборот, попробуем ловить на живца. Поэтому в ближайшие двое суток ты поступаешь в распоряжение и под охрану Альбины Константиновны. – И торопливо скрылся, пока мы не успели начать возражать.

Глава 5

«– Но репутация у тебя прескверная.

– Но я же лучше, чем моя репутация, Ваше Сиятельство»

К/ф «Безумный день, или Женитьбы Фигаро», 1974г.

Гаишники разобрались на удивление быстро, хотя чего там тянуть кота за интимные места, если и так всё ясно – пока водитель прогуливался, его тачку маленько изуродовали. О нападении Юра предусмотрительно умолчал.

С одной стороны, надо бы рассказать, найти никого не найдут, но задокументированный след останется, мало ли чего... Тьфу ты! Если с ним «мало ли чего», то мне тогда и вовсе хана, придется всё-таки нянчиться.

– И что теперь? – Стажер убрал выданные бумажки и повернулся ко мне.

– Машину в сервис сейчас погонишь?

– Ну, да.

Нам пришлось почти влипнуть в крыло, пропуская вереницу грузчиков с тележками.

– Тогда сначала едем на работу, мне надо свою забрать, – я проверила время, и решила, что Сашка уже успел поменять колесо. – До этого предлагаю заглянуть в одно место.

Уточнять, в какое именно, Юра не стал, покорно кивнул и даже обошел машину, чтобы открыть мне дверь.

Таинственность это всегда интересно, но пора заканчивать с этим балаганом, и помочь нам может один человек. Вернее, не совсем, чтобы человек, но помочь вполне способен.

Стажер был непривычно тих и сумрачен, в голове его бродили невеселые мысли, во всяком случае, иногда он зверски хмурился и поджимал губы. Мешать ему морально страдать я не стала, пусть переживает беду молча, тем более, что у самой разных мыслей столько, что не знаю, за какую схватиться.

Коротко объяснив маршрут поездки, решила предупредить о визите заранее, негоже нагло и без предупреждения вваливаться в кабинет прямо посреди рабочего процесса.

– Дааа? – Женский голос прозвучал с таким придыханием, что мне стало совестно – а ну как у Антона там интим на рабочем месте, а я отвлекаю в самый ответственный момент?!

– Доброго дня, милая девушка, дайте трубку своему начальству.

К моему удивлению, это произошло почти мгновенно. Как вариант, у Антошки получилось настолько вышколить секретариат, что они теперь работали силой мысли. Или же помощница без разрешения ответила на звонок по личному телефону. Второе более вероятно, потому что набирала я именно его.

– Привет, Аль, что-то нужно? – На заднем плане слышались шипящие звуки. То ли секретарша оскорбилась, то ли её таким образом выгоняли, чтобы не подслушивала.

– И тебе доброго дня, свет мой ясный. И почему сразу «нужно»? Неужели не веришь, что могла соскучиться и звоню просто поболтать? – Жестом показала Юре, чтобы тот тормозил рядом с аркой.

Двухэтажный дом начала прошлого века смотрелся картинкой, на реставрацию не поскупились, но перегораживающие проезд ворота немного портили вид.

– Если просто поболтать, то приезжай на выходные, мы собираемся на шашлыки, как раз и пообщаемся.

– Ладно, подловил, по делу. Антош, пожалей сирую-убогую, удели минут десять, а? Всё равно я уже внизу, если решишь удрать, не успеешь.

– Тогда поднимайся, – хмыкнул Антон и отключился.

– За мной, корнет. И учти – будешь рожи корчить и носом крутить, я тебя сама загрызу. Так что лучше рта не открывай, потом поговорим.

У Юры точно были вопросы, но задать их он не успел, мы уже поднялись на второй этаж. Возле приоткрытой двери с несколько недовольным видом стояла красотка, один взгляд на которую мог вогнать в глубочайшие комплексы. Роскошные белокурые волосы, фигура, отполированная до идеального

состояния, а ноги так и вовсе почти бесконечные. Если бы на меня это действовало, наверное, была бы уже на грани слез, а так только кивнула:

– Добрый день. У себя?

– Проходите.

Прекрасная дева посторонилась, пропуская нас в святая святых, и я удостоилась оценивающего осмотра, после которого на меня смотрели уже почти жалостливо. Хех, дожила...

– Ты всё цветешь и пахнешь, – Антон выскочил из-за угла, сгреб меня в объятия и немного пожаткал. Дева мгновенно испепелила нас взглядом и чуть не прихлопнула дверь Юру, как раз просачивающегося в приемную.

– Это ты намекаешь на «бабу-ягодку опять»? – Под насмешливое фырканье я вернула поцелуй в щеку, краем глаза заметив стажера, так и замершего у стены по стойке «смирно». – Это Юрий, мой помощник. Пустишь к себе или здесь пообщаемся?

– Проходите, конечно, – Антон кивнул парню в знак приветствия и посторонился, пропуская нас. – Афродита, сделай кофе.

У меня почти получилось подавить глумливый смешок. Ага, Афродита, как же. Интересно, как её мама с папой называли? Например, у того же Антошки на двери красовалась скромная позолоченная табличка, сообщающая, что владельцем апартаментов является Томаш Маревский. Где он откопал это имя, понятия не имею, когда мы женились, в паспорте русским по белому было написано «Антон». Да и с фамилией те же вопросы.

А, ладно, почти богема, что с них взять.

Юра, хоть в кабинет и прошел, остановился на максимальном удалении от моего бывшего супруга и чуть ли не топорщил шерсть на загривке. Антошка это тоже заметил и поглядывал на парня с плохо скрываемой усмешкой.

– Что, опять молодежью загрузили? – Я отмахнулась, но соответствующее случаю выражение лица состроила. – Весело живешь, Алеш. Чего от меня-то хотела?

Ответить я не успела, дверь распахнулась и на пороге появилась Афродита. Не в пене морской, а с подносом, но тоже впечатляет.

– Поставь на стол и ни с кем не соединяй.

Девушка повторно метнула взглядом серпы с молотами, но предусмотрительно промолчала. И не зря, хоть Антошка и выглядел доброжелательным балагуром, в гневе был откровенно страшен.

– Вот сколько раз тебе говорила – не спи с подчиненными, – рисковать здоровьем и пить принесенное я не собиралась. Мало ли что туда подлили... Или плюнули.

Антон не стал отнекиваться, хмыкнул и подмигнул, несколько не смущаясь присутствия Юрика:

– Да как ты могла обо мне так подумать?! – Патетическая нотка мгновенно исчезла, а лицо бывшего приняло более серьезное выражение. – Так что ты хотела? Извини, реально времени в обрез, на мне сейчас подготовка города к празднованию дня молодежи, народ требует зрелищ, а мэрия – соблюдения бюджета.

– Да не вопрос, – не то, чтобы я прониклась его бедой, у Антошки любое мероприятия проходило в подобном аврале, но уважать его рабочий график стоит. – Что у вас за тусовка на Северном кладбище?

Юра издал недовольный звук, но на него никто не прореагировал.

– Да, вроде, ничего такого... – Антон, подумав секунд десять, пожал плечами. – Seriously, Аль, без понятия. А почему ты спрашиваешь?

Пришлось коротко обрисовать ситуацию, не став вдаваться в подробности. Стажер хранил уже не ледяное, а, скорее, заинтересованное молчание. Похоже, его распирало от вопроса, почему именно сюда мы приехали поделиться бедой.

– Попробую что-нибудь узнать, но не гарантирую. Вполне возможно, это наши малолетки балуются. Сама знаешь, нынешняя популярность многим в башку бьет, вот и начинают выделяться перед подружками. Мы, конечно, стараемся это пресекать...

Я понятливо кивнула, полностью разделяя его сомнения – если уж обычным детям кладбищенская романтика спокойно спать не дает, то мелким кровососикам и вовсе крышу рвет от чувства собственной значимости. И пофигу, что из вампирских бонусов только оригинальная диета, способности к гипнозу появляются уже после двадцати лет, и то не у всех.

– Ещё такой вопрос, никто из твоих на мохнатых обиду не затаил? Не просто так спрашиваю, – добавила я прежде, чем Антон отделается общими фразами. – Дело молодое, морды друг другу набьют, впредь наука будет, но, сам понимаешь, я за него отвечаю.

– А сам ни сном, ни духом?

Юра качнул головой:

– Ничего такого, из-за чего стоило бы начинать разборки днём в центре города.

– О как. Значит, сильно приперло, если не побоялись спалиться, – Антон нахмурился и задумчиво побарабанил пальцами по столу. – К ночи тряхну наших, но пока особо не отсвечивай.

– Он будет у меня, – я поднялась, решив, что пора и честь знать, обозначенные десять минут закончились, и злоупотреблять добротой не следует. – Если что-нибудь узнаешь, сразу звони.

– Не вопрос.

Мы с Антоном расцеловались на прощание, Юра не прореагировал. Наверное, был в состоянии глубокого шока от нахлынувшей безгливости.

Девы-богини в приемной не оказалось, о чём я не пожалела – найти обратную дорогу и так смогу, а вот получить коленом под зад (причем, боюсь, в прямом

смысле) мне не улыбалось.

Стажера настолько очевидно мучили вопросы, что я решила сжалиться над несчастным:

– Это мой первый бывший муж.

Некоторое время Юра пытался уложить эти сведения в привычную картину мира. Судя по всему, не получилось.

– Но это же вампир!

– Мужиком он от этого быть не перестал. Куда ты рулишь? Поехали сначала на работу, я пересяду на свою, потом отгоним твой тарантас в сервис.

Вопреки предложению, Юрий прижался к обочине и повернулся ко мне.

– А вам не пришло в голову, что именно этот ваш... бывший муж может быть причастен к происходящему? – Парень смотрел с обидой и долей злости. Можно подумать, он меня на некрофилии поймал. Эх, одни проблемы от этой зашоренности.

– Тогда тебе кранты, поехали гроб выбирать. Про Совет Двенадцати знаешь?

– Высший совет Иных.

Ну, это если на уровне государства. Хотя на региональном – та же петрушка, только в более узких рамках.

– Так вот, Антон входит в него. И если бы захотел прибить твою шкуру над камином, уже сделал бы это. Но не переживай, всё под контролем. К тому же у него и камина-то нет.

Не знаю, как мы без проблем доехали до работы, потому что выглядел Юра немного пришибленным. И, думаю, не отсутствие у вампира камина стало тому причиной.

Моя машина стояла на том же месте, сверкая новым колесом, и я мысленно поблагодарила Сашку. Все-таки золотой мужик, жаль, что у нас не сложилось. Да и второй бывший тоже ничего, но там камнем преткновения была его мама, не к ночи будь помянута. Вот уж кто натуральная ведьма...

– Двигай в сервис, я за тобой тихим ходом.

Стажер кивнул, продолжая молчать. Надо было его раньше ошарашить, а то иногда болтовней не давал сосредоточиться на работе, так кто же знал.

Но это я утрирую. Несмотря на некоторые загоны (которых у самой хватает), мальчик перспективный и по-хорошему упрямый, к тому же умеет учиться. Не без упирания рогом, так все мы не без греха. С его родителем на эту тему поговорить, что ли?

Машину в ремонт приняли быстро, что удивительно – место оказалось популярным, и желающих подлечить железных коней хватало. Видимо, не первый раз пригоняет, если встретили, как родного.

На пассажирское сиденье стажер уселся в тишине и раздумьях, что меня уже не радовало – все возникающие проблемы нужно решать сразу, чтобы потом они не вылезли в самый неподходящий момент.

– Давай уже свои соображения, – я ради такого даже скорость снизила, тем более, что на коротком пути оказался знак дорожных работ. Неужто дыры в асфальте латают?! Надо же, в теплую и сухую погоду, а не как обычно – в декабре под снежком. Чудеса...

– А вы не боялись, что он вас обескровит?

К моему удивлению, вопрос был задан без неприязни, что уже можно считать хорошим знаком.

– Нет. Я же тебе говорила, вампирам не нужно убивать, это полный бред. Такой же, как полеты на метле у ведьм или же обязательный оборот в полнолуние у вашего брата. К тому же сейчас с питанием намного проще, уже несколько десятков лет Совет активно сотрудничает со станциями переливания крови.

– Но нам действительно проще обращаться при полной луне, – Юра смотрел на меня немного заторможено, но уже без прежнего шока. Быстро пришел в себя, молодец, вот только пересмотреть взгляды на жизнь придется, без этого никуда.

– А ведьмы действительно могут левитировать, только для этого не обязательно загонять занозы в зад. Точно так же, как и вы не начинаете корчиться, обрастая мехом, при попадании на кожу лунного света. В каждой городской легенде есть доля правды, но в том и дело, что только доля. Если хочешь работать в нашем отделе, придется научиться принимать и уважать окружающих вне зависимости от их пищевого рациона, видовой принадлежности, цвета кожи и сексуальных предпочтений.

– Я не гомофоб!

– Оно и заметно. Твоя девушка из ваших? – Судя по недовольно поджатым губам, нет. – Значит, оперируя твоими понятиями, ты спишь с зоофилкой.

– Она обо мне ничего не знает.

– Если тебе от этого будет легче, то ладно – ты спишь с латентной зоофилкой.

Юра обиделся и отвернулся к окну, предпочитая игнорировать, раз не получилось переспорить. Ага, напугал ежа голой жопой...

До дома пришлось добираться долго и нудно – дачный сезон и вечер пятницы этому весьма способствуют. Стажер молчал, надувшись на меня, как мышь на крупу, а я продолжала ломать голову над сложившейся ситуацией.

Вот, как ни поверни, хрень получается.

Что такого мог заметить парень на кладбище? Идея о проведении каких-то мегаритуалов по обретению силы или тайном капище не выдерживает никакой критики. Просто потому, что они были бы бессмысленны. В смысле, ритуалы. Поклонение же древнему божеству и вовсе за гранью бреда хотя бы потому, что ничего не даст. Не появится над тобой благодатная длань, осыпающая манной и пряниками, единственное, что заработает усердный неофит, так это насморк – в

склепе должно быть сыровато.

Дорогу нам перебежала бабка с двумя полными ведрами (правда, мусорными), но радоваться я не торопилась, потому что не покидало ощущение глобальной подставы. Вот на что угодно могу поспорить, дело отнюдь не в кладбище. Тогда в чём?

Чем мог молодой оборотень так насолить вампирам, что те решились начинать разборки так прилюдно и нагло?

И почему именно сейчас?

Ни на один из вопросов внятного объяснения у меня не появилось, что хорошему настроению никак не способствовало.

Да и пускать кого-то в дом я не особо люблю. Ну, вот ничего не могу с собой поделать, наверное, повышенный территориальный инстинкт свойственен не только оборотням.

– Идем, сразу покажу, где сегодня переночуешь.

Слово «сегодня» выделила, чтобы у Юры не возникло ненужных иллюзий. Хоть парень мне и нравился, но настолько глобально брать работу на дом мне совершенно не улыбалось.

Стажер без особого интереса заглянул за дверь и кивнул, удовлетворившись осмотром. Никаких особых изысков в гостевой спальне не было, обычная комната, зато под окном цвел распустившийся жасмин, благоухающий на несколько участков. Сама я его терпеть не могла, мучаясь головной болью от одуряющего аромата, но срубить куст не поднималась рука – покойная бабушка его очень уважала. К тому же он закрывал дыру в заборе, и если растение извести, то забор придется чинить, а то и новый ставить.

«Я не жадный, я хозяйственный».

По-хорошему, на этом можно было бы заканчивать с политесами, но оставить парня без ужина не позволила совесть. Или чувство здорового самосохранения –

а ну как с голодухи на меня кинется и попытается сожрать?! Нет, потом он, конечно, сдохнет в корчах, но такой поворот всё равно не вдохновлял.

Господи, какая дурь в голову лезет... А ещё смеялась над Юриными предрассудками, при том, что сама не намного лучше.

– Иди за стол.

Стажер тенью прошмыгнул в ванную, а потом на кухню. Что-то он слишком пришибленный, может, всё-таки немного помяли, а сказать гордость не позволила?

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

Я пожала плечами, не собираясь становиться ничьей сестрой милосердия. Ну, нормально и нормально.

– На нижней полке журнального столика лежит бумажка, там пароль от вай-фая. Я иду поливать огурцы, не скучай. Если будут убивать, ори громче, у меня как раз лейка металлическая, прибегу и спасу.

Не дожидаясь ответа, покинула постояльца, внутренне надеясь, что посуду он за собой помоеет.

Вечереть не начинало ещё и близко, но дневная жара уже спала, и окрестности бурлили жизнью. Где-то совсем рядом с ленцой погавкивала собака, хрипловато вещало радио «Маяк», а соседка, невидимая из-за забора, усердно перемывала всем кости. Её собеседницу я не видела, зато обогатилась знаниями насчет многих знакомых. Досталось и мне самой, чего уж там. Разве можно обойти вниманием молодую привлекательную женщину, живущую в одиночестве? Правда, выразилась дама немного в других выражениях, делясь черными подозрениями на мой счет. Некоторые из них изрядно повеселили, за что сплетницам большое спасибо.

В конце концов, они сошлись во мнении – я такая мегера, что, несмотря на молодость («уже под сорок, а всё девочку из себя строит»), привлекательность («крашенная голенастая кобыла») и даже доставшуюся в наследство избушку («это ж, почитай, элитная недвижимость в городской черте!»), мужа от меня бегут с завидной регулярностью.

Ну, допустим, что из мужей она видела только одного, и с Антоном, и с Валерой я рассталась ещё до переезда в эти роскошные апартаменты, но факт налицо.

Версии про порчу и венец безбрачия заставили сдержанно хихикнуть, а потом пришёл муж той самой неизвестной собеседницы и предложил бабам заняться делом, а не чесать языками. Эх, такое веселье обломал.

– И вы никак не отреагируете?

У меня появилось большое желание таки пустить в ход лейку, но пришлось сдержаться, это не Юра подкрадывался, это я слишком увлеклась подслушиванием.

– В смысле?

Парень уселся на верхнюю ступеньку крыльца, сосредоточенно хмуря брови, и сорвал травинку, которую тут же сунул в рот:

– Ну, вы же всё слышали. Неужели не хочется ничего сделать?

Садовый инвентарь я пристроила возле клумбы, а сама подошла ближе, чтобы и наша беседа не стала достоянием общественности.

– У меня такое ощущение, что тебя вообще ничему не учили... За что мстить? За сплетни? И как ты себе это представляешь? – Легонько толкнула стажера ногой и, дождавшись, когда он подвинется, села рядом. – Чем меньше мы вмешиваемся в жизнь обычных людей, тем лучше. Да, бывает, хочется что-то такое сделать, но получится только хуже. Ты же не станешь пытаться загрызть того, кто ляпнул какую-нибудь ерунду, для тебя оскорбительную? К тому же, чем чаще ведьма прибегает к разрушительным чарам, тем больше это затягивает. Зависимость от ведовства не легче наркомании, только подсаживаешься на ощущение

собственного могущества. И, рано или поздно, начинаешь делать то, с чем потом приходится разбираться работникам нашего ведомства. Знаешь, какое самое страшное наказание для ведьмы? Не тюрьма и даже не смерть. Блокировка сил.

– А как это вообще возможно? Если это врожденная особенность, то и лишить её, по идее, нельзя, – травинку он уже измочалил и теперь примерялся к следующей.

– Лишить нельзя, но можно заблокировать, – я не смогла удержаться и чуть повела плечами. Почему-то ощущение было, как от сквозняка по голой коже. – Грубо говоря, нити, которыми ведьма связана с окружающим миром, отсекают. Сила остается, но она оказывается заперта внутри. Поверь, это страшно, потому что она, не находя выхода, постепенно сжигает носителя.

– И сколько в таком состоянии можно прожить?

– По-разному. Кто пять лет, кто десять, есть те, кто этого почти не замечает. Чем сильнее ведьма и чем активнее она использовала дар, тем более ощутимым будет «откат» после блока.

Юра притих, что-то напряженно обдумывая, а мне перехотелось общаться на эту тему дальше. Не то, чтобы она была для меня такой болезненной, просто резко захотелось побыть одной.

Я уже открыла дверь в дом, когда он всё-таки спросил:

– За что вас заблокировали?

Надо же, резвый какой, уже и это узнал. Интересно, кто ему рассказал и когда?

Можно было бы отказаться отвечать, но вместо этого решила, что так даже лучше. Пусть узнает правду от меня, заодно и поймет, что я не тот кандидат, который станет возиться с ним, подтирая сопли и вызволяя из неприятностей.

– «Умышленное причинение тяжкого вреда существу, не владеющему магией, осуществленное с помощью ведовства». Статья тридцать вторая, часть третья. «Доведение до самоубийства с помощью магии». Статья...

– Я помню, какая это статья.

– Молодец, неси зачетку. Это всё? – Я так и продолжала стоять с занесенной над порогом ногой, ожидая, когда у одного неугомонного закончится острый приступ любопытства.

Он молча кивнул.

Вот и славненько.

Уже прикрывала дверь, когда услышала последний вопрос:

– Вы когда-нибудь сожалели?

Отвечать я не собиралась, и, скорее всего, Юра не ждал этого, поэтому с чистой совестью направилась к себе, заглянув по пути на кухню. Надо же, посуду вымыл, стол протер.

Настроения вышивать не было, а значит, не стоит и браться, иначе потом придется выпарывать неправильные крестики, поэтому я прихватила книгу и закрылась в спальне.

Жалела ли я когда-нибудь о том, что сделала?

Да, жалела.

Например, о том, что эта тварь сдохла так быстро, всего-то пара месяцев. Но душу немного грело понимание, что это время он провел в психушке.

Глава 6

«Я сдавала квартиру не для того, чтобы получать жалобы, а для того, чтобы получать деньги»

к/ф «Карнавал», 1981г.

Вот никогда бы не подумала, что это настолько приятно...

Сильные движения рук, размеренные и в то же время завораживающие.

Закушенная от сосредоточенности губа.

И взгляд какой-то затуманенный, обращенный в себя.

Сорвавшаяся тягучая капля, оставившая влажный след...

– Можно узнать, что здесь происходит?

Незнакомый мужской голос вырвал меня из состояния созерцания, а жаль. Когда ещё за таким понаблюдаешь.

– Простите, а вы кто? – Спрашивала я, ещё не успев повернуться, а когда увидела говорившего, неохотно спустила ноги со скамеечки. – А, Алексей Егорович, добрый день.

Юра тут же замер, с надеждой взглянув на отца, пришлось жестом указать стажеру на незаконченную работу. Тот с обреченным вздохом ухватился за кисть покрепче и продолжил сосредоточенно размазывать краску.

Кто-то мог назвать это использованием служебного положения и даже легкой формой рабства, но я бы поспорила. Что может лучше донести до провинившегося степень его прегрешения, чем принудительный труд? Разве что тот же принудительный труд на мою пользу.

– Вы так и не ответили.

Пришлось задрать голову, рассматривая новоприбывшего.

Форма на нем смотрелась хорошо, этого не отнять. Но по такой жаре, да ещё и в плотной ткани... Бррр.

– Присаживайтесь, сейчас всё расскажу, – гостеприимно кивнула на второе плетеное кресло по другую сторону столика и даже решила быть радушной хозяйкой. – Может, чего-нибудь холодненького?

Жарило сегодня не по-детски, даже тень винограда, почти полностью заплетшего небольшую веранду, особо не спасала. Про солнцепек и думать не хотелось. В какой-то момент стало жалко Юру, он же ещё и ароматами краски дышит, но момент слабости был мимолетен. Пусть набирается опыта, который сын ошибок трудных, глядишь, в следующий раз не полезет не в своё дело.

– Вы не хотите поприветствовать меня по уставу? – Мужчина продолжал стоять над душой, чуть заметно хмуря темные брови. Неодобрительно так.

Желание принести ему попить сразу пропало.

– Нет. – Воропаев перестал хмуриться и теперь смотрел несколько удивленно. Видимо, никто до сих пор подобной степени наглость не проявлял. – Я гражданская, сейчас мой законный выходной, а ещё подрабатываю нянкой у вашего сына. Причем, на общественных началах.

– Я бы так не сказал, – он повернулся к Юре, который недовольно насупился. Ну, не нравится, так пусть не подслушивает. – Почему мой сын красит ваш забор?

Стучать на практиканта я не собиралась, поэтому неопределенно качнула головой:

– Изъявил горячее желание помочь по хозяйству. Вы против?

– Нет, ему полезно, – Воропаев все-таки уселся напротив, но китель не расстегнул даже на верхнюю пуговицу. Как только не задушился... – Ночью какие-то проблемы были?

Интересно, что он имеет в виду под проблемами?

Если нападение врагов, так они оказались не совсем идиотами, чтобы нападать на дом, которым уже несколько поколений владеют ведьмы. Чревато.

А вот сам стажер немного почудил – притащился уже под полночь ко мне под дверь, поскребся и шепотом попросил прощения. Меня в тот момент чуток пробило на смех, поэтому парень, похоже, обиделся на такую реакцию. Ну, ещё бы, не оценила благородный порыв. Зато у меня было время придумать наказание.

Можно было, конечно, и так простить, но это противоречило моей жизненной философии.

– Да нет, тишина и покой.

Пока собеседник замолчал, обдумывая какую-то мысль (судя по выражению лица, невеселую), я беззастенчиво его рассматривала.

Назвать Воропаева красивым я бы никак не смогла, а вот интересным – запросто. Уже немолод, на вид ближе к пятидесяти, чем к сорока. Короткие темные волосы, обильно припорошенные сединой, морщин же почти нет. Был бы он женщиной, заподозрила бы пластику, тут же явно хорошая генетика. Тяжелый, почти квадратный подбородок, губы сейчас хмуро поджаты. Глаза серые, судя по черточкам в их уголках, улыбаться любит, но в настоящий момент был занят пристальным наблюдением за своим отпрыском.

Тот неподдельный интерес родителя чувствовал, потому пару раз передернул лопатками, как будто муху отгонял. Но кисть не выпустил.

– Альбина, скажите, какие у вас соображения по поводу происходящего? – Алексей Егорович повернулся и так же внимательно уставился куда-то в точку мне между глаз. Захотелось по примеру стажера поерзать.

– Да никаких. Честно говоря, вообще не понимаю, где Юрий мог кому-то перейти дорогу, – я снова положила ступни на стоящую рядом скамеечку. – Вчера весь вечер голову ломала, но так ничего и не надумала.

– Вот и у меня тот же результат... – он более свободно откинулся на спинку кресла. – Подсоленные? – Он показал на стоящие в глубокой миске белые сухарики. И когда я кивнула, выцепил пару из них. – Что вам по этому поводу сказал Васильев?

Я таки поперхнулась сухариком, даже ожидая, что Воропаев не только установит наблюдение за моим домом, но и знает настоящую фамилию Антона. Хотя, если бы не знал, точно бы разочаровалась.

Антошка приехал уже глубокой ночью, и я смогла вспомнить юность, тайком пробравшись за ворота. Поскольку к тому времени я была уже в пижаме, а любимый халат только-только постирала, пришлось накинуть на себя постельное покрывало, да и искать обувь оказалось некогда, поэтому впрыгнула в галоши. Бывший супруг сначала замер с раскрытым ртом, созерцая такую красоту неземную, а потом долго не мог сосредоточиться, похихикивая. Утихомирился только, когда я пообещала чем-нибудь в него кинуть. К сожалению, по сути вопроса всё оказалось не так весело, но Антон обещал держать все органы чувств остро, вдруг чего-нибудь узнает. Составленный со слов Юры фоторобот ничего не дал, парень, на нём изображенный, был до отвращения обыкновенным. Мимо него на улице пройдешь, и внимания не обратишь. С номером машины не лучше – в тот же день их свинтили с догнивавшего в соседнем дворе «Москвича».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shul-gina_anna/granicy-chelovechnogo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)